

Харро фон Зенгер

Том

2

19-36

С
П
Р
А
Т
А
Г
Е
М
Б
И

Китайское искусство жить и выживать

Харро фон Зенгер
Стратегемы 19-36.
Китайское искусство
жить и выживать. Том 2
Серия «Подарочные издания.
Коллекция классики»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68677060

Стратегемы. Китайское искусство жить и выживать. Том 2. 19–36:

Эксмо; М.; 2023

ISBN 978-5-04-178958-9

Аннотация

Современная психология пришла к заключению, что взаимоотношения людей на всех уровнях являются определенными игровыми системами со своими правилами и особенностями. То, что названо шрами, еще за несколько столетий до начала нашей эры было достоянием китайской культуры общения. Стратегемность мышления и поведения – а именно это понятие эквивалентно понятию игры – относится к характерным особенностям именно китайской цивилизации. В наибольшей степени понятие стратегемы сходно

с понятием алгоритма в математике. А если не сравнивать с математикой, то стратагема означает стратегический план, в котором для противника заключена какая-либо ловушка, хитрость. Стратагеми составляли не только полководцы. Политические учителя и наставники царей были искусны в управлении гражданским обществом и в дипломатии. В Китае за несколько столетий до нашей эры выработка стратегических планов – стратагем – вошла в практику и, став своего рода искусством, обогащалась многими поколениями. Стратагеми стали секретным национальным достоянием. Их открытие признано одним из серьезных достижений академической востоковедной науки в нашей стране.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Стратегема № 19. Вытаскивать хворост из-под котла	8
19.1. От малой искры занимается пожаром степь	11
19.2. Болезнь не лечить, а предупреждать	14
19.3. Пламя чувственной страсти	18
19.4. Спасение благодаря освобождению от заблуждений «Я»	24
19.5. Лишить [опоры] земли, а стало быть, и жизни	31
19.6. Политика [схватывания] вершков вместо корешков	34
19.7. Увеличивать либо уменьшать потоки беженцев?	39
19.8. Предоставление трона ради блага государства	40
19.9. Никакого поста для мошенника	43
19.10. «Секс-бомбы» против Конфуция	45
19.11. Борьба Москвы против довооружения	50
19.12. Конечная победа царя обезьян	52
19.13. Сугубо преобразователи сельского хозяйства	63
19.14. Покинутые зачинщики мятежа	64

19.15. Умыкание лучших	66
19.16. Наставник без учеников	67
19.17. Сожжение житницы [на озере] Воронье гнездо [Учао]	79
19.18. Лишить воды Ветилую	81
19.19. Геноцид посредством истребления бизонов	86
19.20. Запад без ближневосточной нефти	89
19.21. Пропавшие авианосцы	91
19.22. Конец лакомствам	93
19.23. Евро как орудие подрыва немецкого влияния?	96
19.24. Обрезанием лишить дееспособности	100
19.25. Атака вслед за третьей барабанной дробью	103
19.26. Пресечь малодушие	112
19.27. Достижение мира отлучением мужей от брачного ложа	115
19.28. Наркотики против строптивости	117
19.29. «Отбросы культуры», разъедающие устои китайской жизненной силы	128
19.30. Уклонение от суда	133
19.31. Правопорядок при отсутствии науки логики	137
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Харро фон Зенгер
Стратегемы 19–36.
Китайское искусство
жить и выживать. Том 2

HARRO VON SENGER

STRATEGEME

BAND II

1999 by SCHERZ VERLAG, Bern, Munich, Wien

© Перевод на русский язык А.Д. Гарькавый, 2004, 2014,
2023 (стратегемы 19–36)

© Вступительная статья и комментарии, В.С. Мясников,
2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельство «Эксмо», 2023

Стратегема № 19. Вытаскивать хвост из-под котла

Четыре иероглифа	釜	底	抽	薪
Современное китайское чтение	чфу	ди	чпу	синь
Перевод каждого иероглифа	котел горшок	под	вытащить	хвост
Связный перевод	Вынуть хвост из-под котла — вытащить топливо из очага, чтобы прекратить кипение воды.			
Сущность	<ol style="list-style-type: none"> 1. Подавить в зародыше / пресечь в корне; покончить раз и навсегда; устранить причину; выбить почву из-под ног. Стратегема пресечения. 2. Лишить опоры/основания. Выбить почву из-под ног. Перекрыть воду. Перекрыть кислород. Иссушить питательную среду. Осушить болото. Схватить за жабры. Обломать рога. Сделать подкоп. Опустошить, лишить сил. Стратегема лишения силы. 3. Обострить до известной степени конфликт между противниками или с одним противником и на долгий срок или на время оставить его тлеть, поскольку его раздувание или возможное потухание невыгодно. Стратегема замораживания конфликта. Подрывная стратегема.			

«И снова весна! О... как далеки бывшие устремления, сомнения, упоения... На короткое мгновение они снова зашевелились где-то в глубине твоей души. В этом заброшенном храме, вокруг которого высятся горы и кружится холодный ветер; где деревья раскинули оголенные сучья и ветви, на которых все же виднеются набухшие почки. Прошлое! Ты похоже на птицу, поющую в глуши, на мягкий ветерок, на жаркое солнце. Ты беззвучное пламя в печи и одновременно мертвый пепел. Ты словно вода в чайнике, которая давно прогрелась, но никогда не закипит. Вокруг тебя происходят бесконечные колдования; слышатся долгие стоны и тихая песнь. Ты улавливаешь едва слышные шорохи жизни. Ты струишься, как свет звезд в тихую ночь; ты мертвая вода,

по которой проходит легкая зыбь. Прошлое! Сколько кануло в вечность месяцев, лет!» (пер. Д. Воскресенского).

Эти строки принадлежат китайскому писателю, бывшему министру культуры (1986–1989), а ныне (2000) одному из четырнадцати заместителей председателя Союза писателей Китая Ван Мэну (род. 1934) и взяты из [пятой главы] вышедшего в 1987 г. романа *Ходун жэнь бяньсин* («Метаморфозы, или Игра в складные картинки»)¹. В весенней сценке Ван Мэна беззвучное пламя в печи и мирно греющаяся вода вызывают ощущение уюта. Совершенно иное олицетворяют пылающий огонь и бурлящая вода в стратагеме 19.

---

¹ Ван Мэн. Избранное. Под ред. С. Торопцева. Пер. Д. Воскресенского. М., Радуга, 1988. С. 87.

19.1. От малой искры занимается пожаром степь

Кипящая вода бурлит не сама по себе, но благодаря силе огня. Чем жарче пылает огонь, тем сильнее клокочет вода. Непосредственное воздействие на воду мало что дает или крайне непродолжительно. Огонь существует тоже не сам по себе. Он в огромной мере зависит от поддерживающего его материала – хвороста: «это душа огня». В хворосте дремлет могучая сила. Вспомним насчитывающую более полутора тысяч лет китайскую поговорку: «От малой искры занимается пожаром степь» [«син-хо ляо-юань»]. Это скрытая холодная стихия инь, из которой появляется разбуженная ото сна раскаленная пылающая стихия ян – огонь. Сам по себе хворост не способен вершить насилие. Он лежит тихо и мирно. К нему можно безбоязненно приблизиться. И даже когда он горит, можно без особого труда, пусть не голыми руками, а подручными средствами, вынуть его из очага. Тогда вода через короткое время перестает кипеть, ее бурление остановится.

Кипящая вода – это образ угрозы, с которой трудно совладать напрямую, а огонь – это образ истока данной угрозы. Тот, кто прибегает к стратагеме 19, не выступает прямо против самой угрозы, а устраняет ее причину. Такое поведение диктуется желанием полностью уничтожить очаг опас-

ности или овладеть им и тем самым подавить угрозу, не входя с ней в прямое соприкосновение. Стратегема 19, как показывает сама ее формулировка, может быть направлена и против обстоятельств, и против людей. Человек избегает напрямую выступать против кого-то и стремится скрытно лишить противника опоры и тем самым осадить его. Прежде всего эта стратегема может помочь в случае серьезной угрозы, которой сложно противостоять напрямую. Главная суть стратегемы 19 – лишить противника сил, то есть речь идет о том, что в комментарии [на шестую главу (6.4)] *Военного искусства Сунь-цзы*, принадлежащем жившему в сунскую эпоху Хэ Яньси, представлено следующим образом: «Наполненность противника я могу сделать пустотой, а его пустоту я могу сделать полнотой»².

Как и стратегема 2, стратегема 19 имеет отношение к оппозиции пустое/полное, но несколько иное. Обе стратегемы ослабляют «полноту», то есть сильное место противника. В отличие от стратегемы 2, которая обнаруживает в противнике присущую ему изначально, а не созданную посредством стратегемы «пустоту», незащищенное слабое место, стратегема 19 «опустошает» «полноту» у противника, вынуждая того подчиниться. «Полнота» соперника уничтожается или по крайней мере уменьшается, тогда как питающие ее источники иссушаются или перекрываются. В противоположность

---

² Китайская военная стратегия. Пер. с кит. В. Малявина. М., Астрель, 2002. С. 151.

стратагеме 18 стратагема 19 уклоняется от непосредственного (даже хитроумного) столкновения с главными силами противника и направляет свое острие в иную сторону, туда, откуда черпает свои силы противник. Стратагема 19 разрушает или подрывает питающий силы противника источник.

Стратагема 19 в своих трех ипостасях – устранение, ослабление или управление в собственных целях источником сил у противника – может использоваться в любых сферах человеческих отношений и совершенно по-разному: открыто или тайно, хитро или попросту, физически или психически, действием или словами, в современных или давно прошедших условиях. Многоликость этой стратагемы в дальнейшем будет показана на различных примерах. Вначале обозрим китайскую древность, так как истоки стратагемы уходят своими корнями более чем на 2 тысячи лет назад.

19.2. Болезнь не лечить, а предупреждать

«В наш век высшие гадают всеми способами, пробуют разные заклинания, но болезней и недугов у них все больше. Это похоже на стрелка, который, промахнувшись, спешит поправить мишень. Разве от этого улучшится меткость? Если лить горячую воду в кипящую, думая прекратить кипение, вода закипит еще пуще. Надо убрать огонь, тогда кипение прекратится. Посему колдунов и врачей, яды и снадобья, с помощью которых можно заклясть или вылечить болезнь, люди древности презирали из-за их поверхностности»³. Эти строки из главы «О полном долголетии» книги «Вёсны и Осени господина Люя», собрания трудов представителей различных философских течений, составленного в III в. до н. э., содержат уже в общих чертах формулировку стратагемы 19: «Если убрать огонь, вода перестанет кипеть». Если хочешь остаться здоровым и жить долго, нельзя попеременно доливать и отливать воду, то есть позволять болезни начаться и прерывать ее, прибегая к врачам и лекарствам. Скорее, нужно устранять с самого начала «огонь», или, как говорится в другом месте китайско-

---

³ «Вёсны и Осени господина Люя» («Люйши чуныцю»). Кн. 3, гл. 2 «О полном долголетии» («цзинь шу»). Пер. с кит. Г. Ткаченко. М., Мысль, 2001. С. 91.

го трактата, «устранять вредоносное» [«цю хай»]. «Слишком сладкое, слишком кислое, слишком горькое, слишком острое, слишком соленое – когда этими пятью переполнено тело, они вредны жизни. Слишком большая радость, слишком большой гнев, слишком большая скорбь, слишком большой страх, слишком большая печаль – когда этими пятью связана душа, они вредны жизни. Слишком сильный холод, слишком большой жар, слишком большая сушь, слишком большая влажность, слишком сильный ветер, слишком долгий дождь, слишком густой туман – когда этими семью потревожен ум, они вредны для жизни. Посему для вскармливания жизни нет ничего важнее знания корня. Если познан корень, болезни неоткуда прийти»⁴. Необходимо – и это основное конфуцианское требование – во всем знать меру.

Не только с точки зрения поддержания здоровья и долголетия, но и непосредственно в связи с медициной стратегема 19 упоминается в тексте, появившемся через 2 тысячи лет после «Вёсен и Осеней господина Люя». Речь при этом идет о так называемом страшном ветре (цзинфэн [означающем в медицине падучую]). Бытовало представление, что ветер при определенных неблагоприятных условиях, например при истощении, проникает в тело через поры, всасывается внутренностями и вызывает болезни. Эти болезни выражались обычно в форме страшных судорог. С точки зрения современной западной медицины наименование «страшный

---

⁴ Там же. С. 90.

ветер» относилось к целому спектру различных болезней. Японские справочные пособия связывают его, например, с воспалением мозговой оболочки. В романе *Цзин Хуа Юань* («Цветы в зеркале» [на русском яз. см.: Ли Жучжэнь. Цветы в зеркале. Пер. В. Вельгуса, Г. Монзелера, О. Фишман, И. Циперович. Под ред. В. Колоколова. М.-Л., Наука, 1959, серия «Лит. памятники»; перевод, увы, неполный (отсутствуют гл. 72–93), с многочисленными пропусками и страдает неточностями]), принадлежащем перу Ли Жучжэня (около 1763–1830), сын высокопоставленного служащего говорит о «страшном ветре» [т. е. падучей], от которого он чуть не умер в трехлетнем возрасте: «Самая опасная болезнь для маленького ребенка – это «страшный ветер». Врачей она крайне беспокоит. Уже многие младенцы умерли от нее. И лечат сам недуг зачастую неверно. Падучая выражается не только одним недугом, и не один ветер является ее причиной, так что нельзя все болезни относить к «страшному ветру». Разве можно наобум прописывать лекарства, которые должны вылечить только страх [внешний симптом]? Нужно очень тщательно выяснить, от какой причины произошла болезнь. Если она возникла, к примеру, из-за жары, то следует охладить жар. Если она возникла из-за холода, то следует устранить холод. Если она возникла действительно из-за ветра, то следует устранить проникший в тело ветер. Если она возникла из-за скопившейся в теле слизи, то надо растворить слизь, обратив ее в жидкость. Если она возникла из-за по-

едания той или иной снеди, то нужно заставить желудок переварить эту снедь. Если принимать различные лекарства, преследуя одну из перечисленных целей в зависимости от конкретного случая, не надо будет лечить от страха; страх исчезнет сам собой. Такой образ действий называют «вытаскивать хвост из-под котла» [в рус. пер. этот отрывок опущен].

19.3. Пламя чувственной страсти

«Государь Цюю⁵, польстившись на взятку – большой колокол, потерял царство (см. 17.32); юйский правитель дал поймать себя, прельстившись нефритом из Чуй-цзи⁶. Сянь-гун, покоренный красотой Цзи из Ли⁷, породил смуту в четырех поколениях; Хуань-гун насладился яством, приготовленным И Я, а в результате не был вовремя похоронен⁸; хуский царь, увлекшись красотой танцовщиц, потерял свои лучшие земли⁹. Если бы эти пять государей сообразовывались с

---

⁵ *Цюю* – государство северных «варваров» (ди). Некогда Чжи-бо (V в. до н. э.), собираясь напасть на Цюю, преподнес его правителю большой колокол. Тот, прельстившись дорогим подарком, открыл дороги, и царство его погибло от войск Чжи-бо.

⁶ Цзиньцы, желая напасть на царство Го, подкупили юйского правителя с тем, чтобы он позволил пройти войскам через его владения. На обратном пути, оставшись в Юй на ночлег, они расправились и с ним самим.

⁷ *Цзиньский Сянь-гун* (правил 676–651 до н. э.) в 675 г. до н. э. во время похода на царство Ли-жун взял себе в жены красавицу Цзи. Ее потомство впоследствии не раз было причиной смуты в государстве.

⁸ И Я, или Ди Я, – знаменитый древний кулинар, служил у циского государя Хуань-гуна (правил 685–643 до н. э.). Хуань-гун был большим гурманом. И Я, чтобы доказать ему свою преданность, сварил для него отвар из головы собственного сына и вошел таким образом к нему в доверие. После смерти Хуань-гуна, борясь за престол, его сыновья в течение шестидесяти дней не находили времени похоронить отца.

⁹ *Циньский Му-гун* (правил 659–621 до н. э.), собираясь в поход против хусцев, послал их правителю в дар танцовщиц. Увлечшись ими, правитель забросил дела,

естеством, отказывались от лишнего, довольствовались для себя необходимым и не шли на поводу у вещей, разве их постигло бы такое несчастье?»¹⁰

Против подобных земных влечений «ученые» (имеются в виду конфуцианцы и соперничавшие с ними легисты, приверженцы так называемой школы «законников» [«фа цзя»]), не располагали подходящим средством. Ведь они ограничивались тем, что стремились регулировать человеческие отношения призывом к добродетели, например к добродетели воздержания, или уголовными законами. Однако таким способом они только подавляли человеческие влечения, оспаривая лишь их выражение, а не их наличие. Сами влечения оставались неприкосновенными. От их натиска то и дело спасаются валами, воздвигнутыми конфуцианской моралью, или соответственно легистскими законами о наказаниях.

«Ныне же конфуцианцы не вскрывают корень желаний, а запрещают само желаемое, не ищут истока наслаждений, а пресекают сам предмет наслаждения. Это все равно что пы-

---

и этим воспользовался Му-гун, отвоевав у него лучшие земли.

¹⁰ Хуайнань-цзы, глава 7 «О духе» [«цзин шэнь»] (Дао дэ цзин. Книга пути и благодати. Пер. Л. Померанцевой. М., Эксмо, 2001. С. 186, 378–379). В Планах сражающихся царств [«Чжаньго цэ»] Цюю передается иначе, а у Сыма Цяня – как Чоую; согласно древнекитайскому историку Сюй Гуану (352–425), это название варварского царства племен жунов и и. Чжи-бо – представитель одного из сильных родов в Цзинь; в период смуты фактически стал главой этого княжества, но был предательски убит в 453 г. до н. э. главами домов Хань и Вэй, разделивших с домом Чжао земли Цзинь между собой (Сыма Цянь. Исторические записки, т. 7. М., Наука, 1996. С. 143, 345). – *Прим. пер.*

таться рукой заткнуть источник, питающий большие и малые реки... Конфуцианцы не могут заставить людей не желать, а могут только заставить воздерживаться, не могут заставить людей не наслаждаться, а могут только пресечь наслаждение. Принудить Поднебесную бояться наказания и не сметь разбойничать, разве значит заставить не иметь разбойничьих замыслов?»¹¹

Как, однако, освободиться от чувственных влечений и мирских радостей? Задумавшись вот над чем: «Так, Небо и Земля, вращаясь, образуют единство, тьма вещей в совокупности составляет одно. Кто познал одно, тот знает все; кто не способен познать одно, тот не знает ничего. Например, я ведь тоже – вещь Поднебесной. Не знаю, создан ли я для полноты Поднебесной или, не будь меня, ее целостность не пострадала бы? Если даже так, я – вещь, и вещь – тоже вещь, какой смысл в этих похожих вещах? Оно рождает меня – для какой пользы? Оно убивает меня – какой от этого убыток? Творящее изменения сделало меня горшком – я не могу не повиноваться. Откуда мне знать, что делающие иглоукалывание и прижигания, желающие сохранить себе жизнь не заблуждаются? Откуда мне знать, что тот, кто ищет смерти, затягивая узел на шее, не обретает счастья? Говорят, жизнь – это рабский труд, а смерть – отдохновение. Поднебесная столь велика, кто может знать это? Творящее изменения породило меня – я не останавливал, оно убивает меня – я не

---

¹¹ Дао дэ цзин. С. 184–185.

препятствую. Желая жить, я ничего не делаю, чтобы жить, ненавидя смерть, я не отказываюсь от нее. Презирая, я не выпадаю в ненависть, ценя, радуюсь. Принимай то, что тебе отпущено Небом, будешь всегда спокоен. Мудрец находит себе удобное место, сообразуясь со временем; находит себе дело в радость, сообразуясь с поколением... Поэтому жизнь и смерть для него одинаково велики и не производят в нем изменений. Хотя небо покрывает, а земля поддерживает, он не зависит от них; он проникает в не имеющее щели и не смешивается с вещами; наблюдая хаос дел, способен не упускать их корень... Жизнь и смерть для него лишь превращение, а тьма вещей – как один род... Мудрец ест столько, сколько нужно для поддержания дыхания; одевается так, чтобы прикрыть тело; удовлетворяет естественные потребности, не нуждаясь в лишнем. Нет Поднебесной – это не нанесет ущерба его природе, есть Поднебесная – это не нарушит его гармонии. Есть Поднебесная, нет ли – ему все едино. Из небытия вступаем в бытие, из бытия – в небытие. Конец и начало не имеют грани, неизвестно, что их порождает»¹².

В книге *Хуайнань-цзы* эти соображения подытоживают слова, возвращающиеся к основной мысли стратагемы 19: «Подливая кипяток в кипящую воду, кипения, конечно, не остановить. Истинно понимающий корень дела убирает огонь, и все»¹³.

---

¹² Там же. С. 166–168, 170–171, 179–180.

¹³ Там же. С. 187.

Кипящая вода здесь – образ горящих в человеке влечений, подливаемая горячая вода олицетворяет обращающиеся сугубо к внешним проявлениям конфуцианство и легизм. Под устранением огня подразумевается усмирение в себе человеческих влечений. Эта цель достигается тем, что узнают и устраняют источник желаний и жажды удовольствия. Данной цели достигают благодаря даосскому знанию, что мир – это неминуемая черед преходящих состояний. Всякая радость, как и всякая боль, мгновенно развеивается. Зачем тогда придавать такое большое значение столь недолговечным вещам? Признание постоянной изменчивости приятным Дао, стихийно управляющего и изменяющего все сущее Пути, освобождает человека от жажды выгоды и наслаждений. Он довольствуется тем немногим, что имеет и в чем действительно нуждается, не имеет многого – и его не влекут мысли о том, чего у него нет и что ему не нужно. Человек должен освободить свое сознание, которое должно стать подобно безмятежному ясному озеру, которое безучастно отражает небо. Так говорил даосский философ Чжуан-Цзы (около 369–286): «У Высшего человека сердце что зеркало: оно не влечется за вещами, не стремится к ним навстречу, вмещает все в себя – и ничего не удерживает. Вот почему такой человек способен превзойти вещи и не понести от них урона»¹⁴. За 200 лет до Чжуан-Цзы основатель даосизма Лао-

---

¹⁴ Чжуан-цзы, гл. 7 «Достойные быть владыкой мира» [«Ин ди ван»]. Чжуан-цзы. Ле-цзы. Пер. с кит. В. Малявина. М., Мысль, 1995.

цзы учил:

«Тот, кто знает, не говорит. Тот, кто говорит, не знает. Тот, кто оставляет свои желания, отказывается от страстей, притупляет свою пронизательность, освобождает себя от хаотичности, умеряет свой блеск, уподобляет себя пылинке, представляет собой глубочайшее. Его нельзя приблизить для того, чтобы с ним сродниться; его нельзя приблизить для того, чтобы им пренебрегать; его нельзя приблизить для того, чтобы им воспользоваться; его нельзя приблизить для того, чтобы его возвысить; его нельзя приблизить для того, чтобы его унижить. Вот почему оно уважаемо в Поднебесной»¹⁵.

Созвучные этим, произнесенным полтора тысячелетия назад словам мысли можно найти в современных высказываниях из КНР, например, таких: «На первый взгляд можно подумать, что «желание малого» ведет в отличие от «желания многого» к уменьшению наслаждения и удовлетворения, но в действительности «желание малого» ведет к умственному и физическому совершенству и долгой, достойной уважения и благополучной жизни – можно ли «желать» большего?»¹⁶

---

¹⁵ Дао дэ цзин. Перевод Ян Хиншуна // Древнегреческая философия, т. 1. М., Мысль, 1972. С. 131. Х. фон Зенгер цитирует Дао дэ дзин в переводе на нем. Рихарда Вильгельма.

¹⁶ А. Мин. О желании // Гуанмин жибао. Пекин, 19.05.1998. С. 4.

19.4. Спасение благодаря освобождению от заблуждений «Я»

При жизни Будды (VI в. до н. э., спорно) в Индии сожжения удостаивались только останки состоятельных людей, пепел которых затем клали в урну. Прах бедняков погребали на кладбищах¹⁷. «Псы и шакалы пожирают его, волки и черви, вороны и ястребы и другие хищники...»¹⁸ По утверждению К. Неймана, чтобы лицезреть брэнность человеческого

---

¹⁷ Очевидно, основываясь на книге Неймана, вышедшей в 1922 г., автор дает здесь неверное представление о захоронении индийцев по имущественному признаку – богатых кремируют, а бедняков оставляют на съедение стервятникам. Первоначально, как правило, мертвые тела выбрасывали, закапывали в землю или выставляли на съедение хищным животным и птицам; обычай кремации имеет более позднее происхождение. Одна ветвь древних ариев – парсы сохранили древний обычай выставления тела на съедение птицам и после того, как они стали стойкими огнепоклонниками, поскольку они считали огонь слишком священным, чтобы осквернять его такой нечистой вещью, как труп. Однако ведийские арии не разделяли эту точку зрения, и, стремясь увидеть дорогих им покойников ушедшими на Небо и соединившимися с предками, они считали нужным отдавать мертвое тело Агни, чтобы он перенес его на Небо и чтобы, обретя сияющий облик, оно соответствовало своему новому окружению. См.: Р. Б. Пандей. Древнеиндийские домашние обряды. Пер. с англ. А. Вигасина. М., Высшая школа, 1990. С. 190 и далее; Ю. Смирнов. Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. М., Восточная литература РАН, 1997; Ван Геннеп А. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. Пер. с фр. Ю. Ивановой, Л. Покровской. М., Восточная литература РАН, 1999. – *Прим. пер.*

¹⁸ Karl Eugen Neumann [перевод]: Die Reden Gotamo Buddhos. Речи Гаутамы Будды. Перевод Карла Неймана. Мюнхен, 1922. С. 201 и след.

тела, Будда побуждал своих учеников посещать такие места. Знание того, что смерть неизбежна, потрясает каждого. Те, кто не может жить с этим знанием, ищут спасения в учениях, обещающих преодоление смерти и, соответственно, бессмертие в той или иной форме или во всяческих ухищрениях, потакая слабостям, отвлекающим от мыслей о неизбежности смерти. Мысль о том, что все дозволено, возможно, и ведет к огромным достижениям, как бы преодолевающим ограниченность жизни, однако всякое человеческое творение, всякая земная уверенность, всякое мирское наслаждение не перестает быть всего лишь преходящей иллюзией. В конечном счете в человеческом бытии запечатлена «пагубность плоти» и страдание. Постоянное изнурение и угасание плоти находит свое ужасное завершение в неминуемом ее распаде. Первопричина «цепи страданий» с буддийской точки зрения заключена в «пагубности страстей», влечений пяти чувств и ума к всевозможным вещам напоподобие богатства, славы, наслаждений, к которым относится даже стремление к добродетели, поскольку всякая «страсть – это осквернение ума»¹⁹. «Глубоко привязаны к пяти желаниям. / [Они] подобны яку, любящему свой хвост, / Скованные алчностью и увлечениями, слепые, / [Они] не видят ничего... / [В них] глубоко вошли ложные взгляды, / [Они] хотят отбросить страдания / с помощью страданий... / А «корни» живых существ тупые. / [Живые существа] привязаны к веселью, /

---

¹⁹ Там же. С. 207.

Слепы в своей глулости...»²⁰

Постоянные желания то того, то другого порождают осознание собственного «Я». Ведь желание есть и пить или состояние болезни дают почувствовать собственное тело, которое лелеют и о котором заботятся, думая так: «Оно принадлежит мне, это я, это я сам»²¹. «Я» – это плод желания, желание порождает этот морок. В ослеплении своим «Я» пребывают люди с тупыми «корнями» и малой мудростью, привязанные к надменности, самодовольные»²², хотя они могут удовлетворять свои страсти, они не свободны от страдания. Ибо никакое яство не насыщает и никакое питье не утоляет жажды навеки, и величайшее наслаждение мгновенно развевается.

Автор знаменитого эротического китайского романа *Цветы сливы в золотой вазе* (эпоха Мин, 1368–1644) [предваряя первую главу], жалуется такими строками из стихотворения танской поры (618–907):

«Великолепие и роскошь? – Вот сойдут они, и обнажится

---

²⁰ «Сутра о цветке лотоса чудесной дхармы» (санскрит Саддхарма-пундари-ка-сутра, кит. Мяофа лянхуа цзин, яп. Мёхо рэнгэ кё), глава вторая «Уловка»: «Сутра о цветке лотоса чудесной дхармы». Пер. с кит. А. Игнатовича (1947–2001). М., Янус-К, 1998. С. 111–112] (в немецком издании дается перевод Маргариты фон Борсиг (Borsig): *Sutra von der Lotosblume des wundersamen Gesetzes*, Darmstadt, 1993. С. 78 и след.

²¹ Речи Гаутамы Будды. Пер. Неймана. С. 329.

²² Сутра о цветке лотоса чудесной дхармы. Пер. с кит. А. Игнатовича. М., Янус-К, 1998. С. 113.

наводящая ужас иссохшая почва. Отзвучат флейты [сяо] и арфы [чжэн], смолкнут и поющие уста. Что до силы клинка, исчезнет она, и остается лишь его холодный блеск. Беззвучно пылятся драгоценные струны цитры [цинъ]; без света гаснет вечерняя звезда. Пустынны нефритовые ступени, лишь увлажняет их осенняя роса. Там, где с песнями пускались в пляс, ныне лишь луна безмолвно освещает дом. Те, кто пел там и плясал, никогда уже не вернутся. Все они ныне обратились в могильный прах: доблесть, красота – все унесено прошлым!»²³

Таким образом, человек, поглощенный «мирской пылью», то есть земным, пребывает в море иллюзий. Иллюзия того, что «у меня что-то есть», порождает желание. Обманом, однако, является и окончательная, освобождающая смерть. Мара (смерть) и Кама (страсть) значат часто одно и то же. Ибо смерть нередко является людям не в своем истинном отталкивающем обличье, а в образе желанной вещи и предмета страсти, например в виде сулящих наслаждение наркотиков. Страсть – это ловушка, ведущая к смерти, так как она вновь и вновь заманивает человека в вещный мир ко все новым воплощениям, которые снова оканчиваются смертью и последующим воплощением. Духовно несвободный человек – и здесь лежит, пожалуй, основное различие

---

²³ Перевод на нем. Отто и Артура Кибата // Цинъ, Пин, Мэй, т. 1. Гамбург, 1967. С. 19 [в русском переводе этих строк нет, поскольку их нет и в старейшем минском издании романа, послужившим оригиналом для русских переводчиков].

между буддизмом и даосизмом – воплощается и вновь претерпевает страдания, тогда как освободившийся выходит из цепи воплощений. Что до даосизма, то одно из его направлений и вовсе стремится к физическому бессмертию. Таким образом, человек, по сути, оказывается жертвой собственных желаний в значительной степени из-за того, что поддается чарам творящей стратагемы 7: желания из ничего творят вожеленные предметы, не имеющие в себе ничего постоянного и, следовательно, не существующие.

Поскольку буддизм учит видеть иллюзорность мира и замечать за всякой видимостью зияющую пустоту, он представит религией с в высшей степени стратагемным восприятием действительности. Чтобы освободить человека от страданий, необходимо с буддийской точки зрения освободить его самого, то есть в первую очередь уничтожить в нем желание. Если это человеку удастся, он обводит смерть вокруг пальца, иначе говоря, освобождается от коварства выступающей под обличьем желания смерти, на что указывает следующее четверостишие из собрания стихотворений первых учеников Будды:

«[Передающий другим буддийское учение] Призыв [освобожденного от страсти] мудреца гремит, как ливнинь рык средь скал, призыв героя, призыв господина, Избежавшего коварства смерти»²⁴.

---

²⁴ [Тхерагатха, Бхагадваджа, стих 178]; Карл Эйген Нейман [перевод]: Die Lieder der Mönche und Nonnen Gotamo Buddhos / aus den Theragâthâ und

Согласно учению Махаяны, помимо самоосвобождения возможно еще освобождение с помощью бодхисаттвы (см. 24.15). Стоит пресечь страсти, сравниваемые с «горящей соломой» и «раскаленными углями»²⁵, и исчезает привязанность к вещам. Тогда они как бы не существуют. Затем исчезает различие между положительным и отрицательным, человек не стремится более к приятному и не избегает неприятного. Он не стремится ни к злу, ни к добру. На первых шагах по пути просветления еще можно испытывать радость, однако вскоре «рассеивается полная самомнения сущность «Я», срубается под корень, так что больше нечему развиваться»²⁶, и наступает полное беспристрастие. Даже буддийское учение представляется излишним, как голое средство к достижению цели. Оно больше не имеет ценности. Человек ожидает смерти, и если не перерождается, то достигает нирваны. Если желания устранены, тем самым удален хворост из-под котла. Все иллюзии рассеиваются, «Я» теряет всякое значение и в итоге растворяется в нирване. Все происходит «подобно тому, как исчезает огонь,/ Когда заканчива-

---

Therogâthâ zum erstenmal übers. 2-е изд. Мюнхен, 1923. С. 61. «Тхерагатха» – входящее в «Сутта-питаку», раздел «Кхуддака-никая», собрание четверостиший (гатха) монахов. Приведенное стихотворение принадлежит Бхагадвадже, одному из шестнадцати старейшин (пали тхера, санскрит, стхавира), более известных как архаты, учеников Будды Шакьямуни, являющихся хранителями его Учения. – *Прим. пер.*

²⁵ [Маджджхима-никая: 22 (III, 2). Алагаддупама-сутта (Притча о змее)]; К. Нейман. Речи Гаутамы Будды. Мюнхен, 1922. С. 322.

²⁶ Там же. С. 340.

ется хворост»²⁷. Имея в виду эту цель, вьетнамский буддийский монах Тхит Ньят Хань²⁸ рассматривает 20 практических приемов медитации, обучающих умению «гасить пламя» при ослеплении желанием, гневом и ревностью.

---

²⁷ Сутра о цветке лотоса чудесной дхармы. Пер. с кит. А. Игнатовича. М., Янус-К, 1998. С. 95.

²⁸ [Thich Nhât Hanh, род. 1926] в книге *Umarme deine Wut* (Цюрих, 1992 [на русском яз. см.: Тхить Ньят Хань. Обретение мира. СПб., Андреев и сыновья, 1993]).

19.5. Лишить [опоры] земли, а стало быть, и жизни

[После того как Геракл доставил яблоки Гесперид Эври-сфею], «он не стал возвращаться в Микены прямой дорогой. Сначала он отправился в Ливию, где царь Антей, сын Посейдона и Матери-Земли, имел обычай заставлять всех путников бороться с ним до полного изнеможения, а затем убивал своего противника. Ведь он был не только искусным атлетом, но и восстанавливал свои силы, прикасаясь к земле. Черепами своих жертв он украшал кровлю храма Посейдона. Известно, то ли Геракл, решивший покончить с этим варварским обычаем, вызвал гиганта Антея на поединок, то ли его самого вызвал Антей. Гигант жил в пещере под высокой скалой, питался львиным мясом и спал на голой земле, чтобы не только сохранять, но и увеличивать свою и без того непомерную мощь. Мать-Земля, не потерявшая способности рождать после того, как произвела на свет гигантов, зачала Антея в ливийской пещере и гордилась им больше, чем своими ужасными старшими детьми – Тифоном, Титием и Бриареем. Олимпийцам не поздоровилось бы, если бы Антей сражался против них в долинах Флегры. Перед поединком оба участника сбросили с себя львиные шкуры, но если Геракл на олимпийский манер натер свое тело маслом, то Антей посыпал свои ноги горячим песком на тот случай, если его при-

косновение к земле через подошвы ног окажется недостаточным. Геракл хотел приберечь свои силы и утомить Антея и очень удивился, когда, бросив его на землю, увидел, как наливаются мышцы гиганта и как сила вливается в его тело. Это Мать-Земля вернула ему истраченные силы. Соперники вновь схватились, и на этот раз Антей упал сам, не дожидаясь, когда соперник бросит его наземь. Тогда Геракл, поняв, в чем дело, поднял Антея над землей, сломал ему ребра и, несмотря на стенания Матери-Земли, держал его в могучих объятиях до тех пор, пока тот не испустил дух»²⁹.

Этому применению стратагемы 19 в древнегреческом мифе Магда Штаудингер (Staudinger) и Регина Катер (Kather), Регина (род. 1955), специалист по античной философии (*Freiburger Universitätsblätter* (Записки Фрейбургского университета, тетрадь 136, Фрейбург, июнь 1997), дают современное толкование. Человек противопоставил созданную им техносферу природной биосфере. Борьба между Гераклом и Антеем олицетворяет борьбу между силами цивилизации и неукротимыми силами природы. Как только Антей в борьбе с Гераклом касается земли, в него вливается новая сила. Лишь когда Геракл отрывает его от земли, из него вместе с силой уходит и жизнь. Геракл, представитель техносферы, удушает его. Так и человек может укротить грозящие ему силы природы и по меньшей мере в некоторой степени обез-

---

²⁹ Грейвс Р. Мифы Древней Греции. Пер. с англ. К. Лукьяненко. М., Прогресс, 1992. С. 379.

вредить их. Тем самым он может использовать силы природы в своих целях. Но при этом, разумеется, он должен соблюдать законы природы и помнить о них. Если он забывает об этом, нещадно эксплуатируя силы природы, если он, подобно Гераклу, не знает удержу, он уничтожает природу. Человек, безусловно, погубит сам себя, если его жажда власти будет непомерно расти, так что он полностью заместит техносферой биосферу. Ведь, разрушая биосферу, он отнимает у природы возможность самовосстановления. Тем самым человек подрывает основы собственной жизни. Неосторожно направляя свою техническую мощь против природы, чтобы эксплуатировать ее, он рубит сук, на котором сидит. При таком подходе к стратагеме 19, когда хитрость обращается в глупость, человек не отводит от себя опасности, а просто лишает себя почвы под ногами:

«Земной шар – это сад всего человечества. Горы и реки, озера и моря, птицы и звери, насекомые и рыбы, все они – наши друзья, от которых мы, люди, зависим. Разрушая природу и нанося вред окружающей среде, человечество губит себя... Если кожа пропала, на чем волосам держаться? [«пи чжи бу цунь, мао цзян янь фу»]³⁰».

---

³⁰ Дун Фанцзюнь. Жэньминь жибао. Пекин, 28.04.1998. С. 8, 9.

19.6. Политика [схватывания] вершков вместо корешков

Впервые формулировка стратагема 19 в виде последовательности из четырех иероглифов встречается в «Записке о взыскании местных правителей императорского рода» [«Ичу цзун-фань шу»] государственного чиновника и литератора XVI в. Ци Юаньцзо. В документе, который приводит Юй Жуцзи [XVI век] в своем «Наброске сообщения касательно министерства церемоний» [«Либу чжи гао»], составленном в 1620 году, сказано следующее: «Пословица гласит: «Переливать кипяток, чтобы прекратить кипение, вместо [того, чтобы погасить огонь], вытащив дрова из-под котла» [«Ян тан чжи фэй, бу жу фу-ди чоу-чинь»]. При нынешнем состоянии дел, чтобы выправить положение, ничего не остается, как менять дедовские правила». Речь идет о выдаче зерна и денег членам императорского рода: эти кормления обременительны для государственной казны, даже если отдельные суммы снижены до предельно малой величины. Повышение налогов тоже не поможет. Ци Юаньцзо предлагает старые соглашения заменить новыми, направленными на крайнее ограничение круга получателей выплат. Образцом обстоятельного и окончательного решения этого затруднения ему служит стратагема 19.

Сотрудник тайбэйской газеты, отвечающий на письма чи-

тателей, советует ученице интерната, которая жалуется на свою соседку по комнате, болтающую со всеми о ее жизни и привычках, прибегнуть к «вытаскиванию хвороста из-под котла». Она должна распространить слух, что ее соседка любит приврать в расчете на простаков³¹. Задача стратагемы в этом случае заключается в подрыве доверия к сплетнице.

«В последние годы возросло число пиратских изданий. Даже запреты не смогли их остановить. Компетентные правительственные органы приняли строгие меры, чтобы воспрепятствовать продаже таких изданий. Это крайне необходимо. Но не можем ли мы, литераторы, тоже что-нибудь предпринять и «убрать хворост из очага»?» Вот так взывает Сяо Лунь, обращаясь к китайским писателям в шанхайской «Литературной газете» [*Вэньсюэ бао*]. Он ратует за увеличение тиража не элитарных, а популярных произведений, полагая, что таким образом можно было бы перекрыть кислород низкопробным, а зачастую даже порнографическим пиратским изданиям. «Не допускать наркоманов к источникам, откуда поступают наркотики, сделать для них невозможным сам доступ к наркотикам, это было бы много дешевле борьбы с наркоманией»³², – призывает научный советник Шао Имин из Научно-исследовательского института вирусологии Китайской академии профилактической медицины.

«Врачевать верхушку [собственно, весь ствол без корня] и

---

³¹ Чжунго Шибao. 19.04.1991.

³² Гуанмин жибао. Пекин, 30.05.1997.

корни одновременно [«бяо бэнь цзянь чжи»]» – часто встречающийся в современных китайских текстах фразеологизм, восходящий к теории и практике китайской медицины. Им воспользовался, например, китайский премьер-министр Ли Пэн в правительственном заявлении от 1.03.1997 о борьбе с коррупцией. «Переливают кипяток, чтобы прекратить кипение, вместо того чтобы погасить огонь, вытаскивая дрова из-под котла»³³, – пишут два обозревателя в статье под заголовком «Необходимо эффективнее сдерживать коррупцию». Принятия «направленных на вытаскивание хвороста из-под котла мер по борьбе с загнившими корнями» требовал в апреле 1998 г. глава ведомства Госсовета по надзору и наказаниям Хэ Юн [род. 1940], имея в виду многочисленные нарушения в сельском хозяйстве, финансовой системе, транспорте и системе общественной безопасности³⁴.

Печатный орган Всекитайской федерации профсоюзов упрекает отдельные предприятия и органы власти в «пого-не за скороспелыми успехами и сиюминутной выгодой [цзи гун цзинь ли]» и напоминает высказывание Конфуция: «Если будешь спешить, то не преуспеешь»³⁵. О «недальновидности» привлечения инвестиций некоторыми управленцами сожалеет президент фирмы «Нестле» Хельмут Маухер

---

³³ Гуанмин жибао, 17.03.1998.

³⁴ Жэньминь жибао. Пекин, 29.04.1998.

³⁵ [«Лунь юй», 17.13] (Гунжэнь жибао. Пекин, 19.08.1998. С. 6.

(*Die Zeit*³⁶. Гамбург, 9.07.1998. С. 21). Но и политики часто довольствуются борьбой с симптомами, ограничиваясь простым латанием дыр. Так, в западных странах дополняют друг друга «событийная культура, с одной стороны, и политика сроков полномочий законодательных органов – с другой, которые, кажется, стремятся перещеголять друг друга в близорукости, оборачивающейся «потерями в долгосрочной перспективе»³⁷.

«Зеленые», которые устраивают демонстрации протеста против ввоза радиоактивных отходов или запланированного затопления отслужившей нефтяной платформы наподобие Brent Spar, вместо того чтобы бороться за новое, менее потребительское отношение людей к окружающему миру, являются типичными борцами с вершками. В действительности следовало бы бороться со стремлением людей к чрезмерному потреблению энергии, а не с его результатами вроде отработанного ядерного топлива или выкачанной нефтяной скважины. Конечно, весь вопрос в том, можно ли хотя бы умерить, если не побороть, человеческую алчность. Над этим 2 тысячи лет назад ломали головы авторы *Хуайнань-цзы*, а еще раньше Будда (см. 19.3, 19.4). Даже изменение политической системы не всегда способно воздействовать

---

³⁶ Далее Цайт. – Прим. пер.

³⁷ Вольф Лепенис (Lepenies). Закончена ли европеизация мира? Schweizerisches Institut für Auslandsforschung (Швейцарский институт зарубежных исследований) [изд.]; Горячая точка: Восточная Азия («Brennpunkt Ostasien»). Цюрих, 1997. С. 32.

вать на корни, вызвав внутренние перемены в людях. Следовало бы утверждать в обществе отношения, когда не приветствовались бы искусственно создаваемые рекламой, модой и престижем потребности и ограничивались бы удовлетворением одних естественных нужд, жили бы тем, что есть у человека, и не стремились бы к отсутствующим предметам роскоши. Сегодня борьба с отдельными язвами современной цивилизации отвлекает от тех явлений, которые приводят к язвам, а именно «расточительного образа жизни западных промышленных обществ». Средства массовой информации нуждаются в катастрофах, с их «всеохватной алчностью»³⁸. Обращая всю силу своего протеста на поверхностные явления, мы упускаем из вида самые насущные вопросы. Основной вопрос звучит так: как осуществить требование Махатмы Ганди, высказанное в письме к Дж. Неру в 1945 г.: «Человек должен довольствоваться тем, в чем он действительно нуждается», ибо «мир может удовлетворить потребности каждого, но только не алчность».

---

³⁸ Ноам Хомский. Haben und Nichthaben. Боденхайм, 1998 [в оригинале Class Warfare: Interviews with David Barsamian (1996)].

19.7. Увеличивать либо уменьшать потоки беженцев?

«Идет ли здесь речь о вытаскивании хвоста из-под котла или же о предотвращении кипения воды постоянным ее помешиванием?» Таким вопросом задается Се Вэньцин, вынося его в заголовок своего очерка, в конце июня 1979 г. появившегося в нескольких китайских ежедневных газетах, а в 1984 г. вошедшего в книгу «Избранные статьи на злободневные темы». Се Вэньцин ставит вопрос, позволит ли запланированная сессия ООН, посвященная вьетнамским беженцам, вьетнамскому правительству поставить преграду массовому исходу населения или же, пойдя на поводу у вьетнамского правительства, ограничится советами относительно обхождения с беженцами, скажем, их размещения в тех или иных странах. В последнем случае, заключает обозреватель, все сведется лишь к попыткам «не доводить воду до кипения ее помешиванием, во вред государствам Юго-Восточной Азии и остальному миру».

19.8. Предоставление трона ради блага государства

Почти 400 лет продолжалось славное правление династии Хань, а затем начался ее закат; слава ее поблекла. При императорах Хуань-ди (правил 147–167) и Лин-ди (правил 168–198) наступает распад государственной власти. Власть все больше переходит в руки дворцовых евнухов, чье недостойное правление знаменует начало конца.

После смерти императора Лин-ди (189) военачальник Хэ Цзинь в сопровождении вооруженных латников явился в дворцовый зал и тут же перед гробом Лин-ди посадил на трон наследника [Лю] Бяня [175–189]. Главный евнух Цзянь Ши, который нашептывал умирающему императору, что Хэ Цзиня следует убить, выбежал в дворцовый сад и спрятался в цветах, но был найден и тотчас умерщвлен. Начальник стражи Юань Шао (ум. 202) призвал Хэ Цзиня перебить всех евнухов. Однако Хэ Цзинь проявил нерешительность, чем воспользовались евнухи, поспешив к императрице, сестре Хэ Цзиня, за помощью. Благодаря заступничеству императрицы Хэ Цзинь пощадил евнухов. Однако Юань Шао не оставил намерения истребить их. Под влиянием своей сестры, которая чувствовала себя обязанной евнухам, Хэ Цзинь все медлил. Тут Юань Шао посоветовал ему прибегнуть к стратегеме 3: «Раз не желаете сами вмешиваться, то созовите в

столицу доблестных полководцев с их войсками и перебейте евнухов. Время не ждет». Хотя [*чжу-бо*] старший чиновник приказа, следивший за правильным ведением записей и книг [Чэнь Линь (ум. 217)], предупреждал, что «собирать все войска, чтобы убить несколько евнухов, это все равно что разжигать печь, для того чтобы сжечь один волосок», Хэ Цзинь последовал совету Юань Шао.

К полководцам, которые тайным приказом были призваны в столицу, принадлежал и могущественный [*цы-ши*] чиновник округа Силян [в чьи обязанности входили контроль за административным аппаратом округа и выявление незаконных действий местных властей] – Дун Чжо (умер 190), уже давно жаждавший расширить свою власть. Получив приказ идти к столице, он понял, что настал его час. Подняв войска, он двинулся в столицу Лоян. Однако его зять и ближайший советник Ли Жу [умер 194] предупредил его: «В приказе, нами полученном, много неясного. Почему бы вам не послать вперед гонца с письмом? Если вы про себя назовете вещи своими именами, а на словах выразите покорность, то можете задумывать великое дело!» Дун Чжо так и поступил. В отправленном им Хэ Цзиню письме говорилось: «Мне довелось слышать, что причиной непрекращающихся смут в Поднебесной является клика дворцовых евнухов во главе с Чжан Жаном [умер 189], которая вызывающе держит себя по отношению к императорской власти. Чтобы прекратить кипение котла, как известно, лучше всего разбросать горя-

щий под ним хворост. Хотя и бывает больно, когда вскрывают нарыв, но все же это лучше, чем принять яд в пищу. Я осмелюсь выполнить ваш приказ о вступлении с войском в Лоян лишь в том случае, если вам удастся испросить у Сына неба позволения устранить Чжан Жана и его приспешников. Это будет великим счастьем для династии, это будет великим счастьем для Поднебесной!»

На самом деле этими, в точности отвечавшими намерениям наивного Хэ Цзиня словами Дун Чжо проложил себе путь в Лоян и к временному господству в Китае (см. 35.5). Письмо Дун Чжо, которое Чэнь Шоу (233–297) приводит в своем историческом труде «Троецарствие», насквозь пропитано стратагемным замыслом, служа узакониванию под благовидным предлогом нацеленных на расширение собственной власти шагов с одновременным сокрытием истинных, совершенно своекорыстных побуждений. Письмо оказывается четвертым по времени источником того, как приводится в действие стратагема 19, и там говорится то же самое, что не так давно Юань Шао советовал Хэ Цзиню в отношении евнухов, а именно: «вырвать сорную траву с корнем» [«чжань-цао чу-гунь»].

19.9. Никакого поста для мошенника

«У Хоу Цзина [503–552] голос шакала и глаза осы. Это проходимец с сердцем волка и вкрадчивостью лисы. Что же касается его верности долгу, то даже к своему отцу он не питает никаких чувств. Он предает своих и перебегает к врагам. Он изменил нашей династии и перебрался в Лян. Что приглянулось ему там и что удерживает его от столь привычной измены?.. Когда злодея принимают на службу и уповают на его верность, это первый шаг на пути к гибели государства... Мудрый человек так не поступит, а временно поддавшийся обману, осознав грозящую опасность, тотчас одумается. Отказать мошеннику вроде Хоу Цзина в месте есть не что иное, как вытащить хворост из-под котла, дабы предотвратить кипение, или уничтожить сорную траву, вырвав ее с корнем. Чтобы зло пресечь на корню, надо взять под стражу Хоу Цзина, заковать ему руки и ноги и отослать для наказания в Восточное Вэй...»

Так говорится в записке, которую по повелению Гао Чэна (521–549), властителя [547–549] Восточная Вэй, составил сановник Вэй Шоу (506–572). Целью данной записки было вбить клин между императором У-ди (правил 502–549) южной династии Лян и Хоу Цзином (502–552). Генерал Хоу Цзин порвал с царством Восточная Вэй, перейдя в услужение к У-ди.

Насколько приведенная записка способствовала печальному концу Хоу Цзина (см. 33.13), сказать трудно. Примечателен сам текст, предвосхищающий выражение стратега 19. Со ссылкой на Хоу Цзина выражения «вытаскивать хвост для успокоения кипящей воды» и «вырывать с корнем сорную траву» превозносятся в качестве нравственной максимы китайской древности, ратующей за решительное пресечение зла или за полное разрешение затруднений (*Большой словарь китайских добродетелей* [«Чжунхуа мэйдэ дадянь»]. Тайюань, 1996). Ничто, по сути, не может быть застраховано от несправедливого клейма «корень всех зол» и незаслуженных нападков стратега 19.

19.10. «Секс-бомбы» против Конфуция

В 501 г. до н. э. Конфуций (551–479 до н. э.) был принят на службу [управителем селения волости Чжунду] в своем родном царстве Лу, где сидел на престоле Дин-гун [правил 509–495 до н. э.], но вся власть находилась в руках [его любимца], потомка луского Хуань-гуна (правил 711–694 до н. э.), вельможи Цзи Хуань-цзы. Прошел год управления Конфуция, и повсюду стали брать с него пример. С поста управителя селения его перевели на должность *сыкуна* (начальника общественных работ), а затем и *сыкоу* (управителя судебных дел). К 496 г. до н. э. он вел дела первого советника *гуна*. «Прошло всего три месяца, как [Кун-цзы] начал участвовать в управлении царством, но продавцы баранины и свинины уже не пытались чрезмерно завышать цены; мужчины и женщины стали ходить по дорогам порознь, и никто не присваивал оставленного на дороге; гости, прибывавшие со всех четырех сторон в городки, не обращались с просьбами к местным чиновникам; все находили то, что искали, и [довольные] возвращались домой. Цисцы, прослышав [об усилении сыкоу], стали поговаривать с опаской, обращаясь к своему государю Цзин-гуну [правил 548–591]: «Поскольку Кун-цзы занялся делами правления, [Лу] непременно станет гегемоном. Коль станет гегемоном, а земли наши находятся рядом,

то мы станем первыми, кого они присоединят. Не лучше ли отдать [эти] земли [добровольно]?» Ли Чу сказал: «Давайте сначала попробуем воспрепятствовать этому. Если же не сможем воспрепятствовать, то разве будет поздно отдать земли!»³⁹

Известно, что Конфуций строго придерживался ритуалов начальных времен западной династии Чжоу (XI в. до н. э. – 770 до н. э.). Особенно это касалось ритуала жертвоприношения, но также и соотносящихся с положением, полом и возрастом церемониальных обрядов, внешнее соблюдение которых должно сопровождаться соответствующими внутренними нравственными правилами. Конфуций ожидал от князя Дин-гуна и сановника Цзи Хуань-цзы добросовестности в словах и делах, приверженности к добродетели, неприятия лести и отказа от роскоши, излишеств и чрезмерного потакания желаниям плоти. Иное поведение Конфуций считал отступлением от нравов Западного Чжоу. Однако в царстве Ци хорошо знали, что Дин-гун и Цзи Хуань-цзы падки до плотских утех. Исходя из этого, циские власти и решили воспользоваться «стратагемой», как пишет Эдуард Шаванн (1865–1915) в своем переводе на французский язык жизнеописания Конфуция из «Исторических записок» Сыма Ця-

---

³⁹ Переломов Л. С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., Наука, 1993. С. 113–114; см. также: Сыма Цянь. Исторические записки, т. 6. М., Восточная литература РАН, 1992. С. 131–134.

ня [145 или 135 – ок. 86 до н. э.]⁴⁰. «Тогда отобрали в Ци восемьдесят красивых девушек, нарядили в цветастые одежды, научили танцевать «канлэ»⁴¹ и, усадив в тридцать повозок, запряженных четверками коней, покрытых вышитыми попонами, направили в дар правителю Лу. Девичий табор и украшенные попонами кони остановились у Южных ворот луской городской стены. Цзи Хуань-цзы, переодевшись в чужую одежду, вновь и вновь выходил за ворота посмотреть на них и уже вознамерился принять [дар]. И тогда он посоветовал правителю Лу проехать туда окольным путем. Целыми днями занимались они смотринами, напрочь забросив дела правления. Цзы Лу сказал: «Теперь вам, учитель, можно уходить». Кун-цзы ответил: «В Лу ныне будут приносить жертвы Небу и Земле. И уж коль скоро дафу [сановники] будут наделять жертвенным мясом, мне, по-видимому, лучше остаться». [Цзи] Хуань-цзы наконец принял в дар певичек, и три дня [в Лу] не прислушивались [к советам] об управлении, а после жертвоприношения Небу и Земле жертвенное мясо не было роздано дафу. И тогда Кун-цзы ушел из столицы Лу и поселился в Тунь. Учитель музыки, провожавший его, сказал: «Не совершаете ли вы, учитель, ошибки?» Кун-цзы произнес: «Разрешите ответить песней. В ней поется: «Уста тех женщин изгнали меня, их приезд сюда может при-

---

⁴⁰ Les mémoires historiques de Sema Tsien, tome cinquième. Paris, 1967. С. 328.

⁴¹ И. Семененко переводит название этого танца словом «наслаждение». См.: Конфуций. Лунь юй. Изречения. М., Эксмо, 2003. С. 283. – *Прим. пер.*

вести к смерти и гибели». Вот почему мне остается теперь до конца моих дней кручиниться и скитаться!» Когда учитель музыки [Ши И] вернулся, [Цзи] Хуань-цзы, выслушав [собеседника], тяжело вздохнул: «Учитель осудил меня из-за этих певичек-рабынь!»⁴²

Конфуцию больше не представится возможность воплотить на деле свои величественные политические замыслы. В книге *36 стратегем с примерами*⁴³ дается следующее замечание: «Даже наш праведник Конфуций споткнулся на уловке «вытаскивания хвороста из-под котла». И с той поры он скитался на чужбине, ведя нищенскую жизнь. Отсюда можно заключить, что этот человек, само воплощение человечности и добродетели, не мог противостоять даже малой уловке. Данный пример к тому же служит доказательством того, что идеальной жертвой уловок являются такие вот духовные проповедники праведного пути». – В этом мире недостаточно быть лишь знатоком добродетели. По крайней мере, столь же важно уметь распознавать и пресекать вредоносные стратегемы.

Прямым путем заманить Конфуция в ловушку было для циских властей делом тяжелым, даже невыполнимым. Однако власть Конфуция покоилась на его добрых отношениях с

---

⁴² Переломов Л. С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., Наука, 1993. С. 113–114; см. также: Сыма Цянь. Исторические записки, т. 6. М., Восточная литература РАН, 1992. С. 131–134.

⁴³ Чэнь Дичжи «Сань ши лю цзи инь ли». Тайбэй, около 1972.

сановником Цзи Хуань-цзы и государем Дин-гуном. Эти доверительные отношения оказались подорванными. Конфуций подал в отставку, и таким образом луские власти лишились поручителя возвышения царства Лу. Вытаскивание хвороста из очага удалось цисцам в двух отношениях. Было сорвано возвышение Лу и отведена грозящая Ци опасность. Примечательно содержание исполненной Конфуцием песни, свидетельствующее о его глухоте к хитрости. В своей песне он единственно жалуется на губительное влияние женщин. Ушел бы он с занимаемого поста, если бы помимо обрядов Западного Чжоу и возвышенного нравственного учения он разбирался бы еще в уловках так же, как его противник Ли Чу, прибегший к стратагеме «вытаскивания хвороста из очага»? Из-за своего демонстративного ухода Конфуций до конца дней лишился столь желанной для него возможности влиять на политику своего времени. Если бы он разгадал уловку циских властей, то, пожалуй, поступил бы не так, как замыслили враги, а согласно собственному правилу: «Нетерпеливость в малых делах может погубить большие замыслы» («Лунь юй», 15.27).

19.11. Борьба Москвы против довооружения

В связи с обсуждением вопроса о довооружении в Федеративной Республике Германии Ван Шифан в начале 80-х годов XX в. опубликовал в печатном органе КПК *Жэньминь жибао* статью: «Московская тактика вытаскивания хвоста из-под котла» (Пекин, 24.06.1981). Москва жестко нападала на федерального канцлера Хельмута Шмидта, настаивавшего на довооружении, но при этом пригласила в Москву Вилли Брандта, чтобы обсудить с ним советские мирные предложения и высказать пожелание вывода ракет из Западной Германии. С двумя важнейшими представителями одной и той же немецкой политической партии в Москве обращались подчеркнуто по-разному, за чем, безусловно, скрывался определенный расчет. Привечая настороженно относящегося к довооружению Вилли Брандта, Москва надеялась изменить отношение социал-демократических немецких властей в этом вопросе. При этом Советский Союз не переставал открыто угрожать Западной Германии. Если дело дойдет до размещения ракет, то Федеративная Республика Германии ставит себя под угрозу полного уничтожения в случае ядерной войны. Так что и это должно было настроить общественное мнение западных немцев против канцлера Шмидта. Наконец, Советский Союз играл на горькой памяти об

агрессии фашистской Германии, сравнивая решение НАТО о довооружении с нападением Гитлера на СССР сорок лет назад, и, сея раздор, призывал народы Европы не забывать дурных замашек западнонемецкой военщины. Теперь ФРГ, по словам Ван Шифана, является главной опорой НАТО в Европе. В качестве аванпоста НАТО ее нечем заменить. От готовности ФРГ противостоять нападению Советского Союза зависит судьба остальных стран Европы. Если бы удался тайный замысел [«инь моу»] Москвы, нацеленный на то, чтобы воспрепятствовать размещению ракет в ФРГ, все рассыпалось бы подобно костяшкам домино. Весь план НАТО тогда, похоже, рухнул бы. За желанием Москвы видеть «независимой политику» Бонна скрывался расчет применить против НАТО стратегию «вытаскивания хвоста из очага».

19.12. Конечная победа царя обезьян

После того как Дух горы Черного ветра, воспользовавшись пожаром, стащил данную Сюань-цзаном 270-летнему настоятелю монастыря на одну ночь рясу, он вернулся к себе в пещеру. Взору не подозревавшего о случившемся пожаре Сюань-цзана, когда утром, пробудившись от сна, он вышел из храма, «представились разрушенные, обгорелые стены; ни строений, ни пагод, ни храмов – ничего не было. «Ай-я! – воскликнул он в ужасе. – Где же храмы?! Почему кругом пепелище?» – «Вы все проспали! – сказал Сунь У-кун. – Сегодня ночью был пожар!» – «Как же так?» – спросил пораженный Сюань-цзан. «Я охранял этот храм, – пояснил Сунь У-кун. – А вы так сладко спали, учитель, что мне жаль было вас тревожить». – «Почему же ты не спас остальные строения?» – спросил Сюань-цзан. «А для того, чтобы вы еще больше убедились в своей правоте, учитель, – рассмеялся Сунь У-кун. – Как вы вчера сказали, так и получилось. Монахам понравилась ваша ряса, и они решили сжечь нас. Если бы я вовремя не узнал об этом, то сейчас от нас осталось бы только пепел да обожженные кости»... «А где же ряса? – спохватился Сюань-цзан. – Неужели сгорела?» – «Да нет же! – успокоил своего учителя Сунь У-кун. – Целехонька. Келья, в которой она спрятана, не сгорела»... Между тем наставник, обнаружив, что рясы нигде нет, пришел в отча-

ание. Он не знал, что ответить, и, не находя выхода из создавшегося положения, решил, что в живых ему все равно не остаться. Тогда он с разбегу ударился головой о стену. Удар был настолько силен, что голова несчастного раскололась и из нее хлынула кровь, оросив землю. Монахи от горя совершенно обезумели. «Что нам теперь делать? – причитали они. – Наставник погиб, рясы нигде нет!» – «Видно, кто-то из вас, разбойников, спрятал ее, – сказал Сунь У-кун. – Ну-ка принесите мне списки монахов, я проверю!» – приказал он. Смотритель монастырских зданий тотчас же принес две книги, где были записаны монахи, послушники и работники. Всего двести тридцать человек. Сунь У-кун попросил Сюань-цзана занять почетное место и после этого начал по очереди вызывать монахов. Каждого из них он заставлял развязывать пояс и тщательно обыскивал. Но, несмотря на все усилия, рясы обнаружить не удалось... Тогда, поразмыслив, он спросил у монахов: «А нет ли здесь поблизости какого-нибудь волшебника?» – «Вот хорошо, что вы спросили, мы сами не вспомнили бы об этом! – воскликнул смотритель монастыря. – К юго-востоку отсюда находится гора Черного ветра. В горе есть пещера, которую тоже называют пещерой Черного ветра. В этой пещере живет дух, Черный князь. Покойный наставник часто беседовал с ним. Этот князь – настоящий волшебник». – «А далеко до этой горы?» – поинтересовался Сунь У-кун. «Да всего двадцать ли, – отвечал смотритель. – Видите вон ту вершину? Это и

есть гора Черного ветра». – «Ну, теперь успокойтесь, учитель, – смеясь, сказал Сунь У-кун, – больше мне ничего не надо. Рясу, конечно, похитил этот волшебник»... Тут Сунь У-кун совершил прыжок в воздух, очутился на облаке и отправился на гору Черного ветра разыскивать рясу... Любуясь красивым пейзажем, Сунь У-кун вдруг услышал голоса. На покрытом душистой травой склоне горы кто-то разговаривал. Осторожно ступая, чтобы не быть услышанным, Сунь У-кун шмыгнул за скалу и, украдкой выглянув оттуда, увидел трех духов-оборотней, сидевших на земле. В центре сидел какой-то черный человек, слева от него даос и справа ученый. Говорили они напыщенно, громко... «А ведь послезавтра у меня день рождения, – смеясь, сказал черный человек. – Надеюсь, что вы, уважаемые, окажете мне честь своим посещением». – «Мы каждый год празднуем день вашего рождения, почтенный князь, как же можем мы не явиться в этом году?» – отвечал ученый в белых одеждах. «Сегодня ночью я раздобыл одну драгоценность, – продолжал черный человек, – расштую золотом рясу Будды. Вещь поистине великолепная. В честь своего дня рождения я завтра выставлю ее напоказ и приглашу всех даосских служителей, пусть придут поклониться рясе Будды. А пир мы назовем Пиром в честь одеяния Будды. Что вы об этом скажете?» – «Превосходно! Замечательно! – в восторге воскликнул даос. – Завтра я непременно буду у вас, хочу заранее поздравить вас с днем вашего рождения, а послезавтра приду на пир». Сунь У-кун,

услышав слова «ряса Будды», сразу же понял, что речь идет о драгоценности, которую он ищет. Не в силах больше сдерживать своего гнева, он выскочил из-за скалы и, взмахнув посохом, крикнул: «Наконец вы попались мне, разбойники! Украли мою рясу, да еще собираетесь устраивать какой-то Пир в честь одеяния Будды! Ну-ка, верните мне ее, только живо! Ни с места!» Сунь У-кун взмахнул своим посохом, целясь в голову противника. Однако черный человек, испугавшись, превратился в ветер и исчез... Сунь У-кун... ринулся в горы на поиски черного человека, оказавшегося волшебником. Властитель горы Черного ветра накинул на себя одежду, туго подпоясался и, вооружившись пикой с черной кисточкой, вышел из пещеры... С пикой в руках он ринулся навстречу противнику, и между ними завязался отчаянный бой... Черный волшебник, притворившись, что собирается защищаться, быстро скрылся в пещере, затворив за собой каменные ворота. Как Сунь У-кун ни осаждал ворота, никто ему не открывал. Пришлось вернуться в монастырь... Ночь прошла спокойно... Но Трипитака, почивавший в храме бодисатвы Гуаньинь, спал беспокойно. Все его мысли были сосредоточены на рясе. Повернувшись на бок и взглянув в окно, он вдруг увидел, что забрезжил рассвет. Он быстро встал и позвал: «Сунь У-кун! Уже светло! Иди скорей за рясой!» Сунь У-кун одним прыжком вскочил с постели. Монахи уже принесли воду для умывания. «Смотрите, как следует прислуживайте моему учителю, – приказывал им Сунь У-кун, –

а я снова отправляюсь в путь». Встав с постели, Трипитака остановил его: «Ты куда идешь?» – «По-моему, бодисатва Гуаньинь довольно беззаботна, – не отвечая на вопрос, сказал Сунь У-кун. – В ее честь здесь воздвигнут прекрасный монастырь, возжигаются благовония, а она допускает, чтобы по соседству жил какой-то волшебник. Я сейчас отправлюсь к Южному морю. Найду ее и скажу, чтобы она прибыла сюда сама и отобрала у волшебника рясу»... Не успели замереть еще звуки его голоса, как он бесследно исчез. Вмиг очутился он у Южного моря и, остановив свое облако, стал осматриваться. Величественная картина открылась перед ним... Сунь У-кун долго любовался всей этой красотой и никак не мог налюбоваться. Наконец он на облаке опустился у бамбуковой рощи... Тут дух-хранитель вошел в пещеру и доложил бодисатве о приходе Сунь У-куна. Бодисатва⁴⁴ приказала ввести его. Войдя в пещеру, Сунь У-кун подошел к лotosовому трону и приветствовал бодисатву поклоном. «Зачем ты явился? – спросила бодисатва. «В пути мы с учителем зашли в монастырь, выстроенный в честь тебя. Народ приносит тебе жертвы. А ты позволила волшебнику Духу черного медведя поселиться рядом с монастырем и выкрасть рясу моего учителя. Я много раз пытался отобрать у него рясу, но

---

⁴⁴ *Гуаньинь* (досл. «наблюдающий за звуками», т. е. «внимающий мольбе») – бодисатва Авалокиташвара. Наиболее почитаемое и популярное буддийское божество в старом Китае. Изображается в виде женщины либо с младенцем на руках, либо с вазой и веткой ивы. Почитается как божество милосердия, оказывающее помощь всем обездоленным и избавляющее от всех бед и несчастий.

не смог и сейчас прибыл специально для того, чтобы просить у тебя помощи». – «Ну что за невежественная обезьяна! – возмутилась бодисатва. – Как ты смеешь так со мной разговаривать и требовать, чтобы я спасала вашу рясу? Из-за тебя все и получилось. Зачем тебе понадобилось хвастаться этой драгоценностью и показывать ее простым смертным, да вдобавок ко всему вызывать ветер и раздувать пожар? Ведь ты сожгла мой монастырь Задерживающихся облаков. А теперь явилась сюда и поднимаешь шум». Сун У-кун понял, что бодисатве известно все, что было, и все, что будет, и поспешно опустился на колени. «О бодисатва! – воскликнул он. – Прости твоему сыну грехи! Все это правда. Но я осмелился побеспокоить тебя, милостивая бодисатва, лишь потому, что волшебник ни за что не хочет отдавать рясу, а учитель сердится и грозит заклинанием, от которого у меня голова раскалывается на части. Яви свое милосердие, помоги отобрать у волшебника рясу, и мы сможем продолжать свой путь». – «Этот волшебник обладает огромной силой и, пожалуй, не уступит тебе. Но ради Танского монаха я, так и быть, отправлюсь вместе с тобой». Сев на радужное облако, они вмиг очутились у горы Черного ветра и здесь спустились вниз. Направляясь по тропинке к пещере, они вдруг заметили даоса, который появился из-за склона горы. В руках у него было стеклянное блюдо, а на блюде лежали две пилюли бессмертия. Чрезвычайно обрадованный этой встречей, Сунь У-кун выхватил свой посох и с размаху так стукнул даоса по голо-

ве, что у того вылетели мозги и фонтаном брызнула кровь. «Ну что за обезьяна! – в ужасе воскликнула бодисатва. – За что ты убил его?» – «Ты знаешь, кто это такой? Это приятель Черного волшебника. Вчера Черный волшебник пригласил его на Пир в честь одяения Будды. Дух, которого я убил, шел поздравить Черного волшебника, а завтра должен был явиться на Пир в честь одяения Будды. Вот откуда я знаю его». – «Ну, ладно!» – сказала бодисатва. На блюде была выгравирована надпись: «Сделал Лин Сюй-цзы». Прочитав это, Сунь У-кун от радости рассмеялся. «Вот удача! – воскликнул он. – Теперь нам не придется затрачивать усилий! Этот волшебник, можно сказать, сам попал нам в руки, а с другим мы быстро разделаемся». – «О чем это ты говоришь?» – спросила бодисатва. «У меня есть одна мысль, которую можно назвать: «На план ответить планом». Только я не знаю, одобришь ли ты ее». – «Ну говори, что надумал». – «Взгляни на это блюдо, – сказал Сунь У-кун. – Здесь лежат две пилюли бессмертия. Мы понесем их в подарок волшебнику. На оборотной стороне этого блюда вырезаны четыре иероглифа: «Сделал Лин Сюй-цзы». На эту удочку мы и поймаем волшебника. Если ты согласишься, нам не придется прибегать к оружию и драться с волшебником. Его мгновенно поразит болезнь, и тогда ряса в наших руках. Если же ты не согласишься, ты можешь спокойно отправляться к себе на Запад, а я вернусь на Восток. В этом случае рясу можно считать подаренной волшебнику, а поездка Танского монаха

кончится впустую». – «Ну, что же ты придумал?» – спросила бодисатва. «На этом блюде выгравирована надпись: «Сделал Лин Сюй-цзы». Надо полагать, что Лин Сюй-цзы – имя этого даоса. Ты, бодисатва, должна принять вид этого даоса. Я же съем пилюлю бессмертия и приму ее вид, только буду немного побольше. Затем ты возьмешь блюдо с пилюлями и преподнесешь волшебнику ко дню его рождения. Потом предложишь ему съесть пилюлю, которая побольше. Когда волшебник проглотит ее, то есть меня, я у него в желудке найду что делать. Пусть только откажется вернуть рясу, я из его кишок веревки совью».

Бодисатва покачала головой, но возразить ничего не могла и вынуждена была согласиться. «Каково?» – смеясь, спросил Сунь У-кун. Тут бодисатва проявила свое великое милосердие и безграничную божественную силу. Обладая способностью превращаться в любое существо или предмет, она в мгновение ока превратилась в даоса отшельника Лин Сюй-цзы... «Чудесно! Замечательно!» – с восторгом воскликнул Сунь У-кун. Пилюля, в которую превратился Сунь У-кун, была чуть побольше. У пещеры бодисатва увидела духов, они охраняли вход. «Преподобный отшельник Лин Сюй-цзы прибыл!» – закричали духи. Одни из них бросились доложить о его приходе, другие пошли навстречу. Тотчас же показался дух-волшебник, вышедший встретить гостя. «Я очень рад, – сказал он, – что ты осчастливил мое убогое жилище своим высоким посещением». – «Примите от меня

скромный дар – пилюлю бессмертия и пожелание вам вечной жизни», – промолвила в ответ бодисатва. Закончив церемонию приветствий, они уселись и начали обсуждать вчерашние события. Бодисатва поспешила достать блюдо с пилюлями. «Великий князь, – молвила она, – прошу вас взглянуть на мой скромный подарок». Выбрав шарик побольше, она преподнесла его волшебнику со словами: «Желаю вам, великий князь, здравствовать тысячу лет!» Волшебник в свою очередь взял второй шарик и, подавая его бодисатве, сказал: «Желаю того же и вам, дорогой Лин Суй-цзы!» Как только церемония была окончена, волшебник хотел проглотить пилюлю, но пилюля сама проскользнула прямо в желудок. Там Сунь У-кун принял свой обычный вид, потянулся во все стороны, и волшебник тотчас же повалился на землю.

Бодисатва тоже приняла свой обычный вид и велела волшебнику отдать рясу. Тем временем Сунь У-кун успел уже выйти через нос волшебника. Однако, опасаясь, как бы волшебник не учинил какого-нибудь буйства, бодисатва набросила ему на голову обруч. И когда волшебник, вскочив на ноги, бросился на Сунь У-куна с копьем, она вместе с Сунь У-куном была уже высоко в воздухе и стала произносить заклинание. В тот же миг у волшебника началась мучительная головная боль, он выронил из рук копьё и стал кататься по земле. А Прекрасный царь обезьян, наблюдая все это, посмеивался. «Ну что, мерзкая тварь, вернешь ты теперь рясу или нет?» – спросила бодисатва. «Я готов сделать это сей-

час же, – поспешил ответить волшебник. – Только пощадите меня». Между тем Сунь У-кун, боясь, как бы дело не затянулось, решил избить волшебника, но бодисатва остановила его. «Не причиняй ему вреда! – сказала она. – Он мне еще пригодится». – «Да на что может пригодиться это чудовище, убить его надо, вот и все», – сказал Сунь У-кун. «Часть горы Лоцзяшань, где я живу, – сказала бодисатва, – сейчас никем не охраняется. Я возьму его с собой и сделаю небожителем, хранителем этой горы». – «Ты поистине милосердна и всегда выручаешь из беды, – сказал, смеясь, Сунь У-кун. – Тебе жаль погубить всякое живое существо. Вот если бы я знал это заклинание, то наверняка прочитал бы его не меньше тысячи раз. Однако здесь еще осталось много духов, надо и с ними кончить». Волшебник тем временем пришел в себя. Он катался по земле и жалобно кричал: «Пожалейте меня! Я готов вступить на путь Истины». Тогда бодисатва опустилась на облаке вниз и, возложив руки на голову чудовища, взяла с него обет монашества. Затем она заставила волшебника взять копье и следовать за ней. Наконец-то лихие помыслы Духа черного медведя исчезли и строптивый характер его был усмирен. «А ты, Сунь У-кун, возвращайся теперь обратно, – приказала бодисатва, – и как следует служи Танскому монаху. Смотри, чтобы в дальнейшем не было никаких упущений или безобразий». – «Прости, бодисатва, что доставил тебе столько хлопот и заставил ехать в такую даль, – сказал Сунь У-кун. – Позволь мне проводить тебя немного», – до-

бавил он. «Нет, не нужно», – отвечала бодисатва. Тогда Сунь У-кун взял рясу и, распростившись с бодисатвой, отправился в монастырь. А бодисатва в сопровождении Духа черного медведя пустилась в обратный путь к Великому морю»⁴⁵.

Данный отрывок из романа *Путешествие на Запад* [«Сиюцзи»; издан в 1592] У Чэньэня (около 1500–1582) во многих китайских книгах о страгатагах приводится как типичный пример использования страгатагемы 19. «Если встречаемые царем обезьян в его путешествии на Запад чудища слабее его, он побеждает их походя. Но когда собственных сил не хватает, он обращается к той силе, против которой у чудищ нет никакого средства, позволяя ей вмешаться в ход событий»⁴⁶.

---

⁴⁵ У Чэньэнь. Путешествие на запад. Пер. А. Рогачева. М., Худ. лит., 1959. Т. 1. С. 293–327.

⁴⁶ 36 страгатагем с примерами. Тайбэй, 1972.

19.13. Сугубо преобразователи сельского хозяйства

После 1948 г., как пишут в гонконгской книге о 36 страгатах, Коммунистической партии Китая удалось использовать так называемых демократических деятелей, чтобы те пожаловались правительству США на беспомощность чанкайшистского режима в борьбе с царящей там коррупцией. Вместе с тем китайские коммунисты слезно уверяли американцев, что в отличие от вынашивающих планы мирового господства русских коммунистов они всего лишь стремятся преобразовать свое сельское хозяйство. К преобразованиям в сельском хозяйстве в те времена в Америке относились с большим сочувствием. Таким образом, США пришлось решать, приостанавливать помощь гоминьдановскому правительству Чан Кайши или нет. Под напором прокоммунистической пропаганды в критический для гоминьдановского правительства 1949 г. США сворачивают экономическую помощь Чан Кайши. Этот шаг подорвал моральный дух поддерживавшей гоминьдановское правительство части китайского населения, что ослабило внутреннее и внешнее положение режима. Известно, что вскоре после этого китайские коммунисты пришли к власти на материковом Китае.

19.14. Покинутые зачинщики мятежа

В период правления династии Северная Сун (960–1127) Сюэ Чанжу [1000–1061] был назначен [*тунпань*] помощником правителя трех областей, в одной из которых, Ханьчжоу (в нынешнем округе Гуанхань, провинция Сычуань), он и расположился. Однажды воины одной из областей взбунтовались. Они покинули казармы, устроили поджоги и вознамерились расправиться с правителем области и его военным помощником. Оба чиновника не решились на побег. В этот критический момент на место событий спешно прибыл Сюэ Чанжу и обратился к мятежным воинам со словами: «У вас есть отец с матерью, жены с детьми. Почему же вы решились на подобные действия, грозящие вам и вашим близким смертью? Пусть те, кто лишь примкнул к беспорядкам, соберутся вон там!» Все так и вышло: случайные соучастники беспорядков собрались в одном месте, никуда не двигаясь. И только восемь человек, зачинщиков разбоя, тайком попытались скрыться в близлежащих деревнях. Вскоре они были схвачены. Люди поговаривали: «Не будь Сюэ Чанжу, несдобровать бы городу».

Данный пример успешного применения стратагемы 19 приводит трактат о 36 стратагемах. Поступок Сюэ Чанжу, пишет У Гу в книге *36 стратагем с пояснениями* (Чанчунь, 1987), наглядно показывает, как можно подорвать мораль-

ный дух противника и лишить его боеспособности. Однако анализ У Гу не затрагивает всей полноты стратагемных, не ограничивающихся одним лишь подрывом морального духа противника действий. Несомненно, сама смелость Сюэ Чанжу во многом лишила мужества мятежников. Однако одного бесстрашия Сюэ Чанжу здесь было бы мало. Его краткая, стратагемно выстроенная речь оказалась тем решающим ударом, которым удалось пресечь корни мятежа. Вначале Сюэ Чанжу привлек внимание всех мятежников к печальным последствиям их действий. Не только они, но и их родные (исподволь высказанная угроза) подвергались опасности смертной казни. Затем Сюэ Чанжу обращается к примкнувшим к беспорядкам, давая им понять, что в случае добровольной сдачи их ждет снисхождение (см. стратагемы 15 и 33). Таким образом, Сюэ Чанжу удалось лишить зачинщиков мятежа поддержки. Оказавшись одни, они вынуждены были бежать.

19.15. Умыкание лучших

Живший в танскую эпоху Цзя Линь в своем комментарии к *Военному искусству Сунь-цзы* [гл. 8] к средствам нанесения вреда противнику причисляет переманивание в свой стан способных и умных людей, лишая тем самым противника советников. «Есть только один способ смутить удельного правителя: нужно опорочить мудрых людей среди его приближенных и подослать к нему людей испорченных, дабы они расстроили управление в его землях»⁴⁷. К такому способу обращался уже [уский] военачальник времен Троецарствия Люй Мэн (178–219), победивший Гуань Юя (ок. 162–219) и вернувший стратегически важный для царства У город Цзянлин (см. 8.3).

Царства У и Шу заключили союз против северного царства Вэй. Но затем У вошло в тайный сговор с Вэй, надеясь тем самым вернуть находившийся в руках наводящего ужас шуского воина Гуань Юя город Цзянлин. Для достижения своей цели Люй Мэн среди прочего, как пишет Вэй Тан в журнале *Китай сегодня* (Пекин. Январь, 1985), прибегает к стратегаеме «вытаскивания хвороста из очага»: он переманивает на свою сторону многих офицеров Гуань Юя, все больше сужая круг его соратников.

---

⁴⁷ «Китайская военная стратегия». Пер. с кит. В. Малявина. М., Астрель, 2002. С. 169.

19.16. Наставник без учеников

«Поезд замедлял ход, собираясь сделать остановку. За окном проплыла зеленеющая роща, до слуха пассажиров доносилось стрекотание цикад. Поезд пошел еще тише и через мгновение резко затормозил у платформы.

Из вагона вышел высокий человек лет тридцати, с гордой осанкой. Из-под полей шляпы светились его глаза, живые и пронизательные. У него был только портфель, зажатый под мышкой, и в помощи носильщика он не нуждался. Этот человек не суетился, как другие пассажиры. Молодой человек вышел с вокзала, протиснулся сквозь толпу рикш, зазывавших седоков, и зашагал по песчаной дороге вдоль берега реки.

По мере того как человек удалялся, вокзальный шум постепенно затихал, пока наконец не исчез вовсе. У молодого человека возникло какое-то необычное ощущение, уши давила непривычная тишина, словно окружающий воздух был до предела разрежен. На стенах пагоды, на реке – на всем лежала печать седой старины. Но в этой старине было немало привлекательного, и суетные мирские дела, казалось, уплывали куда-то в туманную даль, словно маленькие облачка на краю неба. Человек остановился, приподнял поля шляпы, внимательно осмотрелся по сторонам и подумал: «Как мне дороги эти старинные стены и рвы. Рвы подобны артериям

старика, в которых течет старая кровь. Но я хочу избавить их от старой крови и влить свежую, чтобы вернуть моему городу цветущую молодость. И когда в жилах его не останется ни капли старческой крови, а взору откроется прекрасный облик седой старины, то ничто в мире не сможет сравниться по красоте с моим городом!»

Мысли о будущем еще более укрепляли его решимость и отвагу. Достав платок, он вытер выступивший на лице пот и снова быстро зашагал вперед. Миновав мост, он вошел в городские ворота.

Улица была очень узкой, солнца на ней было немного. Если по улице проезжали два рикши навстречу друг другу, то пешеходам приходилось вплотную прижиматься к забору, чтобы не оказаться раздавленными.

Иногда откуда-то вдруг появлялись голые ребятишки и с пронзительным криком стремглав неслись друг за другом. Только это и нарушало атмосферу покоя, да еще стремительный бег рикш с непрерывно звенящими колокольчиками, тоже никак не гармонирующий с царившим здесь покоем и торжественностью.

«Тридцать лет живу, а картина всегда одна и та же. Только рикш с их тележками, сверкающими черным лаком, стало больше. Прохожие все так же медлительны. Медлительность старшего поколения по наследству переходит к младшему, поэтому, как и прежде, на улицах видны лишь неторопливые фигуры пешеходов. Невыносимо, когда на узеньких улицах

вам преграждают путь, не дают идти быстрее», – почти с раздражением думал молодой человек...

Вдруг молодой человек остановился, снял соломенную шляпу и почтительно окликнул прохожего:

– Господин Гао!

Перед ним стоял человек лет пятидесяти, высокий и очень худой, с лицом землистого цвета и глубокими морщинами на лбу.

Хотя господин Гао Цзюй и был близорук, он еще издали внимательно разглядывал идущего навстречу человека и думал: «Он и вправду вернулся, видно, слух о том, что они собираются открыть школу, не был пустым. Все же лучше его не останавливать. Он уже забыл о том, как ходил ко мне на уроки. Не будем на него обижаться, он ведь наверняка все еще продолжает поносить нас, стариков. О чем же с ним говорить?» Учитель Гао смотрел прямо перед собой и думал, что вот сейчас поравняется со своим учеником и пройдет мимо.

Однако бывший ученик заметил господина Гао, остановился и учтиво окликнул его. Тому оставалось только внезапно прозреть и радостно воскликнуть:

– А, Юй-шэн, давненько мы не виделись, вы что ж это, на лето приехали, а потом опять до свидания, не так ли?

– Нет, я не собираюсь уезжать. Я со своими друзьями решил открыть здесь среднюю школу. Вот этим и буду заниматься.

– Хорошее дело. Я помню, у нас и раньше об этом поговаривали.

После этих слов учитель Гао хотел откланяться и уйти, но Юй-шэн продолжил разговор:

– Мы решили осуществить наш план в соответствии с нашими идеалами, и, конечно, у нас будут неувязки. Придется почаще заходить к господину за советом, чтобы позаимствовать его богатый опыт.

Господин Гао Цзюй улыбнулся не то скромной, не то пренебрежительной улыбкой и ответил:

– Э, времена теперь не те. Наш опыт похож на вышедшее из моды платье, которому только и остается, что лежать на дне чемодана. Какая от него польза вашей новой школе! – И, немного помолчав, добавил: – Однако школа и впрямь нелегкое дело: чем больше ею занимаешься, тем труднее. Раньше, когда ты учился, у нас во всем была прочная основа. Теперь иначе – все как-то неустойчиво, пусто, даже у тех, к кому думаешь обратиться, чтобы позаимствовать что-нибудь новое.

– Опыт всегда остается опытом, новый он или старый. Господин Гао просто скромничает.

Говоря это, Юй-шэн в душе все же не мог не подосадовать на ворчливый тон учителя Гао.

А господин Гао Цзюй, намереваясь разведать замыслы Юй-шэна, спросил:

– Ну, а как дела с финансами, все уже небось урегулировано? Бывало и так, что самые благие намерения после столк-

новения с финансовой проблемой исчезали, словно дым.

– Мы составили смету. Взносы учеников должны покрывать повседневные расходы. На первоначальные затраты пойдут пожертвования, которые уже собраны.

– Смогут ли ваши доходы покрыть расходы?

– У меня и моих друзей интересы и стремления общие, да и заботиться нам нужно только о себе – мы не обременены семьями. Поэтому расходы на выплату жалованья у нас будут минимальные, а два или три человека вообще не нуждаются в деньгах...

– Совсем не нуждаются... в деньгах?

Гао Цзюй не поверил своим ушам. Помедлив, он заметил с улыбкой:

– По всему видно, что вы горите желанием просвещать людей. Похвально, похвально. Ну что ж, до свидания!

С этими словами он наклонил голову и пошел; его длинная фигура покачивалась на ходу.

– До свидания, господин!

Учитель Гао вошел в чайную. Большинство мест было уже занято посетителями.

Сидевший среди посетителей уездный инспектор школ Лу Чжун-фан при появлении Гао Цзюя перестал курить кальян и собрался уходить. Он наклонил голову и сказал:

– Старина Цзюй! Сегодня ты пришел позже меня. Вот здесь свободно, вот здесь. – И инспектор указал концом кальяна на место за своим столиком.

– Вот и хорошо, старина Чжун, вот и хорошо. В дороге произошла задержка, поэтому я и пришел позднее.

Сказав это, учитель Гао разделся и повесил куртку и халат на вешалку.

– Как вы думаете, кого я встретил по дороге? Этого... Дин Юй-шэна! Он уже приехал, – проговорил учитель Гао, усаживаясь.

– Они хотят непременно открыть школу. Дин Юй-шэн только что сообщил мне, что он специально займется этим делом.

Чжун-фан раздул огонек и ожидал, когда кальян разгорится.

– Разумеется, – откликнулся он, – обязательно откроют. Мне стало известно, что они арендовали школьное помещение в Синьцзяхуне.

Затем он булькнул кальяном, делая затяжку, и из ноздрей его поднялись две сизые струйки дыма.

– Наша школа разорилась и не может выплатить жалованье учителям. А вот они нашли правильный выход и откроют свою школу. Он сказал мне, что пожертвования на нее уже собраны. Вот тебе и дети!

– Ха, дети! – повторил Чжун-фан и ехидно засмеялся.

– Одно мне непонятно: Дин Юй-шэн сказал, что текущие расходы они будут покрывать за счет платы за обучение, так как жалованье им нужно самое небольшое, а некоторые, мол, от него совсем отказываются. Так ради чего же они взялись

за это дело?

– Ха-ха, старина Цзюй, доверчив же ты, однако. Они будут учить чужих детей и денег им за это не нужно? Да откуда могли взяться такие люди в наше время! Ясно, здесь кроется что-то другое.

После такого суждения Чжун-фан принял самодовольный вид и сделал еще одну затяжку. Старому Гао Цзюю стало немного стыдно за себя. Взяв стакан с чаем, он отхлебнул глоток и проговорил, как бы оправдываясь:

– Да, здесь что-то кроется, это я понимаю, но в чем тут соль, мне невдомек.

– А не в том ли, что... – начал Чжун-фан и, перегнувшись через стол к уху Гао Цзюя, перешел на шепот. Затем он снова уселся на свое место и продолжал уже вслух: – У них непременно есть какой-то источник, откуда они берут деньги, и, конечно, разговоры о том, что им не нужно жалованье, – всего лишь громкая фраза, рассчитанная на эффект. Они надеются, что люди в один голос заговорят об их горячем рвении к просвещению, попадутся к ним в ловушку и невольно станут их подпевалами. Будь все иначе, разве не сказал бы тебе Юй-шэн, где они собрали пожертвования для основания школы?

Старина Цзюй и верил, и не верил. Моргая глазами, он проямлил, охваченный каким-то невыразимым страхом:

– Да, да. По всей вероятности, это так и есть.

– Не по всей вероятности, а точно так.

– О чем это вы так горячо спорите?

Вопрос задал заведующий отделом просвещения Ван Сюань-бо. Сначала Ван Сюань-бо занял было место в стороне, у окна, но потом решил немного пройтись. Разговор Гао и Лу привлек его внимание. Взяв свободный стул, он подсел к приятелям.

Гао и Лу передали Ван Сюань-бо содержание своего разговора, и последний, кивая головой, заметил:

– Разумеется, для этого все и делается. Правильно говорит старина Чжун. Такие люди кормятся за счет беспорядков, и уж если они их затевают, то не останавливаются ни перед чем. Найдут какую-нибудь щель, ну и стремятся пролезть в нее. Средняя школа «Хунъи» и есть та основа, на которой они хотят укрепиться.

– Ну что ж, это похоже на ловлю вора: только тот, крадучись, откроет дверь, чтобы просунуть руку, как мы его тут же и схватим.

Старый Гао Цзюй, вставивший эту фразу, сам же и рассмеялся, обнажив при этом свои желтые зубы. Но Сюань-бо не присоединился к нему; желая высказать свое мнение, он продолжал:

– Мы, конечно, совсем не хотим напрасно обвинять других, но посмотрите, какими методами они пользуются, – уж одно это доказывает, что они затевают смуту. Я никогда не был близок с такими людьми, а вот у моего младшего сына есть товарищи по учебе, вроде этих. Он виделся с ними

на днях, и они ему рассказали о школе, которую хочет открыть Дин Юй-шэн. Первая нелепость, которую он собирается ввести, – это совместное обучение мальчиков и девочек. Вы только подумайте! Средняя школа, а девочки и мальчики вместе! Вторая нелепость...

– Это свободная любовь, не так ли? – выпалил Чжун-фан, и его круглое лицо расплылось в любопытной улыбке.

– Нет, не то. Они утверждают, что учителя и ученики вместе должны активно участвовать в общественной жизни, во всем, что происходит за стенами школы. Уму непостижимо. Дело учителя – обучать учеников, а дело учеников – учиться. Зачем же думать о каком-то обществе, о какой-то общественной деятельности, да еще активной деятельности! Ведь это же и есть смута и нарушение существующего порядка!

Сюань-бо говорил с возмущением, в душе его, казалось, все кипело, и от волнения он даже расстегнул свою жилетку из тонкой шелковой материи и обнажил грудь.

Старый Цзюй почувствовал какое-то смятение и печально проговорил:

– И когда это только мир перестанет меняться, когда люди успокоятся! Вот взять этого Дин Юй-шэна: учился он когда-то у меня, был примерным учеником, тише воды ниже травы. Кто бы мог подумать, что через десять лет от него будет такая беда!

– Так говорить не следует. – Сюань-бо, видимо, был недоволен чрезмерным унынием Цзюя и решительно возразил: –

Этим молокососам не так уж легко будет у нас поднять голову и вызвать какие-нибудь беспорядки! Если бы мы не стали бороться, а позволили нашим детям вступить в их организацию и вызвать тем самым страшные бедствия, то мы оказались бы недостойными наших предков, недостойными наших древних мудрецов, нашей родной земли. Поэтому на нас лежит огромная ответственность. Старина Чжун, ты у нас уездный инспектор. Когда они откроют школу, ты, как имеющий право надзора, найди какой-нибудь беспорядок, а мы без всяких церемоний издадим приказ о ее закрытии.

Чжун-фан положил кальян на стол, отпил еще несколько глотков чая и ответил:

– Это, конечно, вполне возможно. Только более радикальным средством противодействия я считал бы «выгрести угли из-под котла, чтобы он не кипел».

И Чжун-фан сделал руками жест, словно выгребал угли.

– Как это понять?

– Очень просто. Не дадим им возможности набрать учеников. На днях учителя начальной школы говорили мне о том, что их ученики обращаются к ним за советом, куда лучше поступить после окончания школы. Конечно, учителя рекомендуют им казенную школу или педагогическое училище, объясняют, что такой выбор был бы самым правильным, а открывающаяся в этом семестре новая средняя школа «Хуньи», в которой занятия будут вести несколько приезжих молодых людей, не совсем, мол, солидное учебное за-

ведение. Я, между прочим, упоминал, что эти молодые люди преследуют какие-то особые цели, и, кажется, никто им не доверится. Итак, к моменту открытия булыжная часть парт в новой школе будет пустовать, тем дело и кончится.

Сюань-бо выслушал Чжун-фана и почувствовал некоторое облегчение, у Гао Цзюя тоже отлегло от сердца.

– Если все пойдет так, как ты говоришь, то это божественная помощь предков, счастье, ниспосланное родным местам! Только и нам нужно быть осторожнее и при встрече с другими рассказывать им о плюсах и минусах этого предприятия, – добавил Сюань-бо, все еще ощущая в душе смутное беспокойство.

– Ну, это естественно, – откликнулись Гао Цзюй и Чжун-фан, кивая друг другу головами – у одного на длинной и тонкой, у другого – на сильно располневшей шее.

Объявления о приеме в среднюю школу «Хуньи» были расклеены на всех перекрестках, помещены в нескольких местных газетах и даже напечатаны на одной из полос какой-то шанхайской газеты, считавшейся «видной». Всякий, кто просматривает эти объявления, ощущает тупую боль в сердце, словно это дьявольские заклинания, в которых содержатся страшные угрозы. Поэтому никто и не подумал разобраться в том, о чем говорили мелкие иероглифы, напечатанные внизу.

В городе то и дело можно было слышать такие разговоры:
– Ах, эта школа «Хуньи»! И откуда у нее левые замашки?

С этими людьми лучше не иметь дела, а держаться подальше от них.

Люди грамотные и разбирающиеся в законах выразались так:

– Пусть закроются школы хоть во всей Поднебесной, пусть ни одного иероглифа не узнают наши дети, и все-таки мы не рискнем отправить их в среднюю школу «Хунъи». Кто же захочет, чтобы мир превратился в шайку зверей и людоедов!..

Снова наступила жара. Во дворе на ясене, словно соревнуясь между собой, стрекотали цикады. Юй-шэн механически перелистал страницы регистрационного журнала, где по-прежнему было записано всего только восемь имен.

Но он не отчаивался: «Это не поражение, ведь сделано еще далеко не все, какое же это поражение! Восемь, так будем хорошенько обучать восьмерых! Вот если даже их ничему не научим, тогда будет провал!..»⁴⁸ Эти слова вкладывает в уста своего героя из рассказа «В городе» писатель, педагог, издатель и общественный деятель Е Шэнтао. Дин Юй-шэн и его соратники и не подозревали о стратагеме, которую вызвала к жизни их вербовка учеников.

---

⁴⁸ Е Шэнтао. Одна жизнь. Рассказы. Пер. с кит. Е. Слабнова. М., Гослитиздат, 1960. С. 151–166.

19.17. Сожжение житницы [на озере] Воронье гнездо [Учао]

Гуаньду, находившийся в северо-восточной части нынешнего уезда Чжунмоу провинции Хэнань, в 200 г. оказался местом битвы между войсками Цао Цао (155–220), тогдашнего канцлера [чэн-сян] ханьского императора, и Юань Шао (ум. 202), правителя [захваченных им] областей Цзи, Цин и Бин (ныне провинция Хэбэй, восточная и северная части провинции Шаньдун, провинция Шаньси) (см. также 9.2 и 19.9). Юань Шао располагал сотысячным войском, тогда как у Цао Цао было всего 20 тысяч воинов и почти отсутствовал провиант. Однако Цао Цао воспользовался беспечностью Юань Шао, недооценившего противника, и с пятью тысячами воинов, которых он для введения врага в заблуждение снабдил такими же знаменами, как у Юань Шао, совершил ночную вылазку и поджег его житницы на [озере] Учао (Воронье Гнездо). Для устрашения главных сил противника тысяче воинов Юань Шао отрезали носы, а их лошадям – языки. Это привело в ужас войско Юань Шао и расстроило его ряды (см. стратегию 20), и тогда отряды Цао Цао напали на него и разбили. Вскоре Юань Шао занемог и скончался. Несмотря на превосходство противника в живой силе, Цао Цао одержал победу благодаря тому, что ему удалось у Юань Шао «вытащить хворост из очага». Преда-

нием огню житницы и своими устрашающими действиями Цао Цао настолько деморализовал главные силы Юань Шао, что свел на нет их численное превосходство. Достигнутая благодаря стратагеме 19 победа в битве при Гуаньду позволила Цао Цао в дальнейшем завладеть Северным Китаем и явилась удостоившимся похвалы Мао Цзэдуна примером победы малыми силами над более могущественным противником.

О ночном нападении на житницы близ озера Учао рассказывает одна (достоинством 20 фэнь) из четырех марок, посвященных событиям романа *Троецарствие* из серии, которую выпустило Министерство связи КНР 10.12.1990.

19.18. Лишить воды Ветилую

О взятии измором противника упоминается еще в *Военном искусстве Сунь-цзы*, древнейшем в мире военном трактате: «Будучи сытым, ожидай голодных»⁴⁹. Приблизительно в ту же эпоху, когда жил Сунь-цзы, совсем в других краях, а именно «в двенадцатый год царствования Навуходоносора (605–562 до н. э.), царствовавшего над ассирийцами в великом городе Ниневии, – во дни Арфаксада, который царствовал над мидянами в Екбатанах... в те дни царь Навуходоносор предпринял войну против царя Арфаксада на великой равнине, которая в пределах Рагава. К нему собрались все живущие в нагорной стране, и все живущие при Евфрате, Тигре и Идасписе, и с равнины Ариох, царь Елимейский, и сошлись очень многие народы в ополчение сынов Хелеуда». И в семнадцатый год он ополчился со своим войском против царя Арфаксада и одолел его в сражении, и обратил в бегство все войско Арфаксада, всю конницу его и все колесницы его, и овладел городами его... А Арфаксада схватил на горах Рагава и, пронзив его копьем своим, в тот же день погубил его. Потом пошел назад со своими в Ниневию – он и все союзники его; там он отдыхал и пировал с войском своим сто двадцать дней. В восемнадцатом году, в двадцать вто-

---

⁴⁹ «Сунь-цзы», 7.15 «Военное противоборство» [«цзюнь чжэн»]: Китайская военная стратегия. Пер. с кит. В. Малявина. М., Астрель, 2002. С. 163.

рой день первого месяца, <...> они решили погубить всех, кто не повиновался слову уст его. Навуходоносор, царь Ассирийский, призвал главного вождя войска своего, Олоферна, который был вторым по нем, и сказал ему: «Так говорит великий царь, господин всей земли: вот, ты пойдешь от лица моего и возьмешь с собою мужей, уверенных в своей силе, – пеших сто двадцать тысяч и множество коней с двенадцатью тысячами всадников, – и выйдешь против всей земли на западе за то, что не повиновались слову уст моих. И объявишь им, чтобы они приготавливали землю и воду, потому что я с гневом выйду на них, покрою все лице земли их ногами войска моего и предам ему их на расхищение. <...> Олоферн, выйдя от господина своего, пригласил к себе всех сановников, полководцев и начальников войска Ассирийского, отсчитал для сражения отборных мужей, как повелел ему господин его, сто двадцать тысяч и конных стрелков двенадцать тысяч, и привел их в такой порядок, каким строится войско, идущее на сражение... И выступил в поход со всем войском своим, чтобы предварить царя Навуходоносора и покрыть все лице земли на западе колесницами, конницею и отборною пехотою своею... Придя к Ездрилоу близ Дотеи, лежащей против великой теснины Иудейской, он расположился лагерем между Гаваем и городом Скифов и оставался там целый месяц, чтобы собрать весь обоз своего войска. Сыны Израиля, жившие в Иудее, услышав обо всем, что сделал с народами Олоферн, военачальник Ассирийского царя Наву-

ходоносора, и как разграбил он все святилища их и отдал их на уничтожение, очень, очень испугались его и трепетали за Иерусалим и храм господа бога своего; потому что недавно возвратились они из плена, недавно весь народ Иудейский собрался, и освящены от осквернения сосуды, жертвенник и дом господень. Они послали во все пределы Самарии и Кони, и Ветерона и Вельмена, и Иерихона, и в Хову и Эсору, и в равнину Салимскую, заняли все вершины высоких гор, оградили стенами находящиеся на них селения и отложили запасы хлеба на случай войны, так как нивы их недавно были сжаты, а великий священник Иоаким, бывший в те дни в Иерусалиме, написал жителям Ветилуи и Ветомесфема, лежащего против Ездрилона, на передней стороне равнины, близкой к Дофаиму, чтобы они заняли восходы в нагорную страну, потому что чрез них был вход в Иудею, и легко было им воспрепятствовать приходящим, так как тесен был проход даже для двух человек... На другой день Олоферн приказал всему войску своему и всему народу своему, пришедшему к нему на помощь, подступить к Ветилуе, занять высоты нагорной страны и начать войну против сынов Израилевых... На другой день Олоферн вывел всю свою конницу пред лице сынов Израилевых, бывших в Ветилуе, осмотрел восходы города их, обошел и занял источники вод их и, оцепив их ратными мужами, возвратился к своему народу. Но пришли к нему все начальники сынов Исава, и все вожди народа Моавитского, и все военачальники приморья и ска-

зали: выслушай, господин наш, слово, чтобы не было потери в войске твоём. Этот народ сынов Израиля надеется не на копья свои, но на высоты гор своих, на которых живут, потому что неудобно восходить на вершины их гор. Итак, господин, не воюй с ним так, как бывает обыкновенная война, – и ни один муж не падет из народа твоего. Ты останься в своём лагере, чтобы сберечь каждого мужа в войске твоём, а рабы твои пусть овладеют источником воды, который вытекает из подошвы горы; потому что оттуда берут воду все жители Ветилуи, – и погубит их жажда, и они сдадут свой город; а мы с нашим народом взойдем на ближние вершины гор и расположимся на них для стражи, чтобы ни один человек не вышел из города. И будут томиться они голодом, и жены их, и дети их, и прежде, нежели коснется их меч, падут на улицах обиталища своего; и ты воздашь им злом за то, что они возмутились и не встретили тебя с миром. Понравились эти слова их Олоферну и всем слугам его, и он решил поступить так, как они сказали... Сыны Израиля воззвали к господу богу своему, потому что они пришли в уныние, так как все враги их окружили их, и им нельзя было бежать от них. Вокруг них стояло все войско Ассирийское – пешие, колесницы и конница их – тридцать четыре дня; у всех жителей Ветилуи истощились все сосуды с водою, опустели водоемы, и ни в один день они не могли пить воды досыта, потому что давали им пить мерою. И уныли дети их, и жены их, и юноши, и в изнеможении от жажды падали на улицах города и в

проходах ворот, и уже не было в них крепости»⁵⁰.

Безусловно, выступающая здесь в образе лишения противника воды стратагема 19 привела бы к победе Олоферна, если бы Юдифи с божьего благословения не удалась стратагема цепи [уловок], спасающая народ Израиля (см. 35.8). Впрочем, инки тоже завоевали в 1470 г. Чан-Чан, столицу государства Чимор, перерезав снабжавшие ее водой каналы⁵¹.

---

⁵⁰ «Ветхий Завет», неканоническая книга «Иудифь». 1:1–16; 2:1–19; 3:9–10; 4:1–7; 7:1–22 (Зенгер цит. по: Deutsche Bibelgesellschaft [издатель]: Die Bibel in heutigem Deutsch. Das Alte Testament, 2-е изд. Штутгарт, 1982. С. 861 и след.

⁵¹ Чан-Чан (Chan Chan) – столица легендарного государства Чимор (археологическая культура Чиму) в Перу, близ г. Трухильо в долине р. Моче, существовавшего в 1-й половине 2-го тыс. н. э. Занимала площадь 25 кв. км и имела население до 25 тыс. человек. Именно в Чиму впервые была создана объединенная сеть ирригационных каналов и построены дороги, соединяющие горы и побережье. – *Прим. пер.*

19.19. Геноцид посредством истребления бизонов

Более 30 миллионов, а по иным оценкам – 50 миллионов бизонов, ошибочно именуемых в США буйволами, обитало в Северной Америке, когда там высадились первые переселенцы. Вслед за этим началось их поголовное истребление. К началу XX в. бизонов уже было всего 500 особей. С 80-х гг. этот вид животных переживает своего рода возрождение: общая численность поголовья в 1996 г. на территории США и Канады оценивается в 50 тысяч.

Еще в 1840-е годы сотысячные стада бизонов паслись в прериях, словно созданных для них. Туземные индейские племена убивали столько животных, сколько было необходимо им для пропитания, изготовления одежды, жилищ и лодок, а также орудий и утвари. В ход шел даже навоз животных, используемый в качестве топлива. Равновесие природы не нарушалось. Индейцы почитали бизона как священное животное.

Но в середине XIX в. американский президент Авраам Линкольн (1809–1865) пообещал каждому переселенцу 65 гектаров свободной земли⁵². Этот участок земли величиной

---

⁵² Так называемый гомстед-акт (от англ. homestead – усадьба, участок) принят в 1862 г. в США в ходе Гражданской войны 1861–1865 гг.; предоставлял каждому американскому гражданину право на получение (при уплате небольшого сбора)

с четверть квадратной мили был приманкой, с помощью которой вербовали переселиться в прерии даже жителей Германии. Подписанием в 1862 г. гомстед-акта тот же президент, который ввязался в Гражданскую войну ради освобождения рабов, решил судьбу индейцев и их бизоньих стад. Когда вместе с переселенцами на запад устремились железные дороги и стало возможным везти по ним обратно в промышленные города необработанные бизоньи шкуры, создались условия истребления бизоньих стад. Оказалось, что бизонья кожа благодаря своей упругости прекрасно подходит для приводных ремней, и на нее возник необычайный спрос. Куда бы ни приходила железная дорога, будь то Додж-Сити в Канзасе, бывший тогда крупнейшим перевалочным пунктом для скота, либо Бисмарк в Северной Дакоте, туда на бизонью охоту устремлялись тысячи безработных. Они стреляли до тех пор, пока не приходилось остужать раскаленные стволы водой, а при ее отсутствии собственной мочой. Некий охотник по имени Том Никсон хвалился тем, что с пятнадцатого сентября по двадцатое октября 1875 г. отстрелял в общей сложности 2173 бизона. Добыча «Буйвола» Била Коди (Cody, 1846–1917), позже ставшего организатором представлений из жизни Дикого Запада [Wild West show], за восемь месяцев составила 4280 бизонов. Армия видела в бизоньих охотниках полезных союзников в борьбе с индейцами, как

участка земли (гомстеда), который со временем переходил в его собственность. – *Прим. пер.*

пишет в своем очерке «Возвращение бизонов» Ганс Хойнг (Hoynг)⁵³. Генерал Филипп Шеридан (1831–1888) хвалил охотников за то, что они «уничтожают продовольственные запасы индейцев», и наказывал: «Пусть они убивают, сдирают шкуры и продают, покуда не истребят всех бизонов. И лишь потом ваши прерии обживут пестрые буренки и горячие ковбои».

Американская армия воспользовалась еще одной, основывающейся на уловке 19, стратегией на уничтожение: «С исчезновением бизонов вымрут и индейцы»⁵⁴. На пятом международном съезде сторонников индейских народов Америки (Цюрих, 7–9.08.1989) один из выступавших индейцев племени тлинкитов поведал об опасности, грозящей рыбным ресурсам, составляющим основу пропитания и занятости коренного населения Америки, со стороны участвовавших разливов нефти. Он сравнил подобные бедствия с отстрелом бизонов⁵⁵ в прошлом веке, «приведшем к геноциду североамериканских индейцев прерий»⁵⁶.

---

⁵³ Шпигель. Гамбург, 41, 1996. С. 190 и след.

⁵⁴ Нойе Цюрхер цайтунг. 15.01.1991. С. 34.

⁵⁵ Всего было уничтожено 60 млн бизонов.

⁵⁶ Нойе Цюрхер цайтунг. 10.08.1989. С. 46.

19.20. Запад без ближневосточной нефти

Египетский президент Гамаль Абдель Насер (1918–1970) называл нефть «жизненным нервом цивилизации». Без нефти «не могли бы существовать ни заводские станки, ни наземные, морские и воздушные средства связи, ни средства ведения войны – будь то парящие поверх облаков истребители либо скрытые в толще воды подводные лодки. Без нефти все это было бы лишь ржавой, неподвижной, безжизненной грудой железа».

Свыше семидесяти процентов разведанных на земле запасов нефти сосредоточено в «энергетическом овале» Персидского залива и Каспийской впадины⁵⁷. Кто одержит верх в борьбе за обладание скрытыми в каспийско-кавказских недрах и уступающими только ближневосточным запасами газа и нефти – Россия, США или иная держава, тот овладеет жизненно важной артерией, без которой не обойдется индустриальный мир в XXI в. Но сейчас главным поставщиком нефти в Европу, Америку и Японию является Ближний Восток. Китай не преминул похвалить арабские страны, которые в конце 1973 г. после войны Йом-Кипур⁵⁸ задействова-

⁵⁷ Нойе Цюрхер цайтунг. 23.03.1998. С. 31.

⁵⁸ Судного Дня (религиозного праздника иудеев) – в этот день армии Египта и Сирии предприняли внезапное нападение на Израиль (см. 19.22).

ли нефть «в качестве грозного оружия в своей борьбе против израильского сионизма и его пособников»⁵⁹. Когда еще существовал Советский Союз, один китайский обозреватель упрекал его в том, что СССР использует против Запада стратегию «вытаскивания хвороста из-под котла». В этих целях Советский Союз все ближе подкрадывается к Красному морю, Аравийскому полуострову и Персидскому заливу, чтобы затем взять в кольцо нефтеносные районы и отрезать от остального мира нефтепроводы⁶⁰. Но этой цели распавшийся Советский Союз так и не достиг. В этом районе по-прежнему хозяйничают США. Поскольку «все зависит от нефти», то, хоть США и обладают огромной властью, они оказываются крайне уязвимыми. Пока никто из соперников США не в состоянии применить против Запада стратегию 19, чтобы отрезать ему доступ к ближневосточной нефти, беспокоиться не о чем. Но что произойдет, если этой стратегией воспользуется, например, Саудовская Аравия?

---

⁵⁹ «Пекинское обозрение» [«Бэйцзин чжоубао», выходящий на шести языках (китайский, японский, английский, французский, немецкий (Peking-Rundschau), испанский) иллюстрированный еженедельник], № 48, 4.12.1978.

⁶⁰ Жэньминь жибао. Пекин, 16.12.1978.

19.21. Пропавшие авианосцы

Во Второй мировой войне авианосцы придали войне на море новые очертания, поскольку стало возможным задействовать в морских сражениях самолеты. Господство в воздухе теперь во многом определяло и господство на море. Авианосцы, по словам знатока стратегем Ли Биньяня, явились «хворостом для очага», от которого зависело завоевание и удержание господства в воздухе над морем⁶¹.

Вблизи кораллового атолла Мидуэй, который расположен к северо-западу от Гавайских островов на севере Тихого океана и в лагуне которого имеется несколько островов, 4–6 июня 1942 г. произошло сражение между японским ударным соединением (11 линкоров, 6 авианосцев с 293 самолетами, 16 крейсеров, 53 эсминца и др.), пытавшимся захватить оперативную базу США на Мидуэе, и американским флотом (3 авианосца с 243 самолетами, 8 крейсеров, 14 эсминцев). В результате сражения американцы стали господствовать на Тихом океане, впервые продемонстрировав значение авианосцев по сравнению с линкорами.

Американский командующий Тихоокеанским флотом Честер Уильям Нимиц [Nimitz, 1885–1966] благодаря разведывательным самолетам узнал расположение японских авианосцев. Ему удалось тайно провести флот через заградитель-

---

⁶¹ Новое издание 36 стратегем. Пекин, 1998. С. 61.

ные порядки японских подводных лодок и расположиться к северу от атолла Мидуэй. Японские самолеты всем составом отправились бомбить атолл. Этого и дожидался Нимиц. Он приказал пятидесяти штурмовикам напасть на четыре оставшихся без воздушного прикрытия японских авианосца, которые в результате были потоплены. Японские самолеты, потеряв посадочную полосу, по возвращении один за другим рухнули в море.

«Морское сражение близ атолла Мидуэй можно считать поворотным в битве за Тихий океан. После потери четырех авианосцев и летчиков японцам пришлось перейти к стратегической обороне. Им так и не удалось достаточно быстро восполнить эти материальные и людские потери, чтобы успешно противостоять набирающей обороты военной машине США»⁶².

---

⁶² Helmut Pemsel: *Seeherrschaft*, т. 2. Кобленц, 1997. С. 568; [на рус. яз. см.: Нимиц Ч., Поттер Э. *Война на море 1939–1945*. Пер. с англ. М., Воениздат, 1965; Хаттори Такусиро, *Япония в войне. 1941–1945*. СПб., Полигон, 2000. С. 290–306 (переиздание 1973)].

19.22. Конец лакомствам

Чжан Сяоминь привык до и после обеда наедаться сладкого. Мать постоянно настаивала на том, чтобы он оставил эту привычку, но бесполезно. Наконец она решила прибегнуть к стратагеме 19, перестав давать сыну карманные деньги на покупку сладостей. Под рубрикой «вытаскивание хвороста из очага» я нашел этот пример из области детского воспитания во *Фразеологическом словаре на все случаи жизни* (составитель Люй Юнцюань. Тайбэй, б/г). Промышленно-торговый банк города Сиань удостоился похвалы за то, что предприятиям, замеченным в производстве поддельных товаров, банк перекрывал поступление денежных средств, тем самым «вытаскивая хворост из очага»⁶³.

Как сказал в другой связи писатель Ганс Магнус Энценбергер (Enzenberger, род. 1929): «Что такое пистолет по сравнению с рукой, перекрывающей канал поступления денег?»⁶⁴ Об этом, очевидно, думали и США, когда в начале 1988 г. ввели экономические санкции против Панамы в надежде быстро поставить на колени тогдашнего диктатора Панамы генерала Норьегу. Чжан Лян, обозреватель печатного органа Коммунистической партии Китая *Жэньминь жибао*, опреде-

---

⁶³ Газета особого района Шэньчжэнь [Шэньчжэнь тэцьюй бао], 23.10.1994.

⁶⁴ Шпигель. Гамбург, № 4, 1989. С. 196.

лил шаги американцев как использование стратагемы 19⁶⁵. Американские действия привели к серьезному финансовому кризису в Панаме. Правительство оказалось не в состоянии содержать свои 150 тысяч служащих, что привело к их забастовке и к стычкам протестующих с силами правопорядка. Однако «желаемого результата добиться не удалось»⁶⁶. Экономические санкции США, напротив, привели, по меньшей мере отчасти, к поддержке панамским народом и многими латиноамериканскими странами генерала Норьеги. Стратагема обернулась против ее авторов.

Американцам удалось в конце концов низложить Норьегу, но не с помощью хитрости, а посредством оружия и насилия. Режим на Кубе не смогла поколебать даже многолетняя экономическая блокада американцев. Впрочем, США при президенте Рейгане вовлекли Советский Союз в гонку вооружений, которую тот экономически не смог осилить. Чтобы уменьшить доходы Москвы от продажи нефти, а с этим покупательскую способность для приобретения необходимого высокотехнологичного оборудования, США уговорили саудовские власти выбросить на мировой рынок нефть по низким ценам. США намеренно подорвали кредитоспособность Советского Союза на финансовом рынке и пытались ввести всеобъемлющее эмбарго. Не все им удалось, но тем не менее благодаря использованию стратагемы 19 был ускорен развал

---

⁶⁵ Жэньминь жибао. Пекин, 16.03.1988. С. 6.

⁶⁶ Нойе Цюрхер цайтунг. 9.03.1988. С. 4.

Советского Союза.

В 90-е гг. XX в. США отложили выполнение своих обязательств по уплате взносов в ООН. Отсрочка выплат в размере 1,7 миллиарда долларов едва не привела ООН к банкротству, поскольку долг США составлял около двух третей общей внешней задолженности ООН⁶⁷ и более 130 процентов средств на содержание ООН за 1997 г.⁶⁸. Стоило США лишить ООН финансовой основы, что соответствует стратегии 19, как они ограничили «в существенной мере дееспособность ООН»⁶⁹. На это и рассчитывали США, видевшие в ООН организацию, «зачастую действующую вопреки интересам США» и проводившую «программы социальных и экономических преобразований, на характер которых США ввиду соотношения сил в ООН могли оказывать лишь незначительное влияние»⁷⁰.

---

⁶⁷ Шпигель. Гамбург, № 36, 1999. С. 163.

⁶⁸ Helmut Volger. «UN-Reform im Alleingang? Das konfliktreiche Verhältnis zwischen USA und UN». Internationale Politik. Бонн, № 12, 1997. С. 41.

⁶⁹ Там же. С. 44.

⁷⁰ Там же. С. 42, см. также 35.18.

19.23. Евро как орудие подрыва немецкого влияния?

«Своя европейская денежная валюта, которая должна быть пущена в обращение в 1999 г., вводится согласно Маастрихтским соглашениям. Она должна составить жесткую конкуренцию американскому доллару и японской иене и оживить экспорт стран Евросоюза». Эту оценку Евросоюза относительно причин ввода европейской денежной единицы «евро» целиком приводит выходящий в Пекине на шести языках, в том числе на немецком, еженедельник *Пекинское обозрение* (20.08.1996).

Но если мы хотим узнать, что усматривают китайцы за фасадом официальных европейских заявлений, необходимо изучить китайскоязычную прессу. Там можно отыскать такие оценки: «Франция опасается, что вновь объединившаяся Германия, ничем больше не стесненная, может стать экономической сверхдержавой, а немецкая марка станет вершить судьбы европейской экономики. Поэтому Франция и хочет вводом европейской валюты приструнить немецкую марку».

Такой анализ помещен в статье «Французско-немецкая ось ослабевает, а англо-французский союз укрепляется»⁷¹. Автор Чжоу Годун, заместитель главы европейского отделе-

---

⁷¹ Вэньхуэй бао. Шанхай, 25.12.1995.

ния Шанхайского института по международным вопросам, трактует политику Франции по отношению к Германии с точки зрения стратега 19: Франция хочет лишить Германию возможности занять в будущем господствующее положение – упразднением немецкой марки. Поэтому евро само по себе является не целью, а стратегическим средством в своекорыстных целях: существенное ослабление представляющего опасность северного соседа. В этом направлении ведет свой анализ и Цзян Цзяньго: «Чтобы стать в конце 1980-х гг. активным участником европейского валютного союза, Франция стремилась ограничить ведущее положение немецкой марки в Европе и уменьшить немецкое влияние в Европе»⁷².

Подобные замечания появлялись и в европейской прессе: «Валютный союз, как он задумывается, ослабит экономическое и финансово-политическое господство [а тем самым и политический вес] Германии в Европе. Ведь денежная политика будет проводиться совместно. Это старый и издавна неуклонно проводимый Францией курс. Вместе с тем Париж не оставит своих притязаний во внешней и оборонной политике. Поэтому договор о политическом союзе представляет собой лишь протокол о намерениях»⁷³. «Современный ход создания Европейского валютного союза представляется попыткой уравновесить превосходство немецкой марки и

---

⁷² Жэньминь жибао. Пекин, 8.05.1998. С. 7.

⁷³ Нойе Цюрхер цайтунг. 8–9.05.1993. С. 33.

Немецкого Федерального банка⁷⁴.

Однако с китайской точки зрения далеко не решено, что евро в качестве проводника стратагемы 19, как надеется на это Франция, действительно подорвет могущество Германии. Ведь «отношение Германии к введению единой валюты весьма жесткое и заключается в том, что лишь равноценная по стоимости и стабильности с немецкой маркой денежная единица может ее заменить».

По мнению Чжоу Годуна, Германия разглядела французскую уловку и пытается ее перечеркнуть. Новая денежная единица должна обладать одинаковыми с немецкой маркой качествами. Немецкая марка должна стать эталоном для евро. Тем самым, как полагает Чжоу Годун, положение Германии в итоге остается неизменным, ибо Германия оказывается верховным контролером и гарантом новой валюты. Использование Францией стратагемы лишения силы бьет мимо цели, оборачиваясь для Германии даже укреплением ее положения.

Действительно ли захочет и сумеет Германия постоянно заботиться о том, чтобы евро обладало теми же качествами, что и почившая немецкая марка и чтобы Европейский Центральный банк неизменно придерживался «мерок Немецкого Федерального банка»?⁷⁵ Или мы имеем всего лишь бла-

---

⁷⁴ Werner Link. Gleichgewicht und Hrggrmonie. Frankfurter allgemeine Zeitung, 19.09.1997. С. 13. Далее Франкфуртер альгемайне цайтунг. – *Прим. пер.*

⁷⁵ Tages-Angezeiger. Цюрих, 5.05.1998. С. 5.

гое пожелание или пустое обещание немецкого правительства в смысле стратагемы 17, чтобы немецкий избиратель проголосовал за евро? Насколько немецкое влияние на Европу может быть порой ограниченным, показали события мая 1993 г.: вопреки немецким представителям парламентская ассамблея Совета Европы приняла решение, что немецкий язык не будет третьим официальным языком Европы. Основания: перевод на немецкий язык ежегодно стоил бы 21,5 миллиона марок (брошюры, протоколы, письма, переводчики). Это официальное основание могло служить стратагемным сокрытием истинных причин отказа: низкий престиж немцев в Европе.

Здесь в связи с китайским анализом явной французской хитрости и немецкого противоядия в отношении евро возникает вопрос: не слишком ли высокого мнения китайский обозреватель о хитроумии немецкого обывателя в частности и вообще некогда одураченной быком Европы (см. 35.11)? А не окажется ли валютный союз в конце концов всего лишь классической глупостью (чего, естественно, никто не желал)? Ведь «когда до немецкого обывателя дойдет, что его надули, его гнев обернется против европейской интеграции как таковой»⁷⁶.

---

⁷⁶ *Роланд Фаубель* (Vaubel), профессор политэкономии в университете города Мангейма и член научного совета при федеральном министерстве экономики: Цайт. Гамбург, 27.06.1997. С. 26.

19.24. Обрезанием лишить дееспособности

«Дина, дочь Лии, которую она родила Иакову, вышла посмотреть на дочерей земли той [Ханаанской]. И увидел ее Сихем, сын Еммора Евейянина, князя земли той, и взял ее, и спал с нею, и сделал ей насилие. И прилепилась душа его в Дине, дочери Иакова, и он полюбил девицу и говорил по сердцу девицы. И сказал Сихем Еммору, отцу своему, говоря: возьми мне эту девицу в жену. Иаков слышал, что [сын Емморов] обесчестил Дину, дочь его, но как сыновья его были со скотом его в поле, то Иаков молчал, пока не пришли они. И вышел Еммор, отец Сихемов, к Иакову, поговорить с ним. Сыновья же Иакова пришли с поля, и когда услышали, то огорчились мужи те и воспылали гневом, потому что бесчестие сделал он Израилю, переспав с дочерью Иакова, а так не надлежало делать.

Еммор стал говорить им и сказал: «Сихем, сын мой, прилепился душою к дочери вашей; дайте же ее в жену ему; породнитесь с нами; отдавайте за нас дочерей ваших, а наших дочерей берите себе и живите с нами; земля сия пред вами, живите и промышляйте на ней и приобретайте ее во владение». Сихем же сказал отцу ее и братьям ее: «Только бы мне найти благоволение в очах ваших, я дам, что ни скажете мне; назначьте самое большое вено и дары; я дам, что ни скажете

мне, только отдайте мне девицу в жены».

И отвечали сыновья Иакова Сихему и Еммору, отцу его, с лукавством; а говорили так потому, что он обесчестил Дину, сестру их; и сказали им: «Не можем этого сделать, выдать сестру нашу за человека, который необрезан, ибо это бесчестно для нас; только на том условии мы согласимся с вами, если вы будете как мы, чтобы и у вас весь мужеский пол был обрезан; и будем отдавать за вас дочерей наших и брать за себя ваших дочерей, и будем жить с вами, и составим один народ; а если не послушаетесь нас в том, чтобы обрезать, то мы возьмем дочь нашу и удалимся». И понравились слова сии Еммору и Сихему, сыну Емморову. Юноша не умедлил исполнить это, потому что любил дочь Иакова. А он более всех уважаем был из дома отца своего. И пришел Еммор и Сихем, сын его, к воротам города своего, и стали говорить жителям города своего и сказали: «Сии люди мирны с нами; пусть они селятся на земле и промышляют на ней; земля же вот пространна пред ними. Станем брать дочерей их себе в жены и наших дочерей выдавать за них. Только на том условии сии люди соглашаются жить с нами и быть одним народом, чтобы и у нас обрезан был весь мужеский пол, как они обрезаны. Не для нас ли стада их, и имение их, и весь скот их? Только согласимся с ними, и будут жить с нами».

И послушались Еммора и Сихема, сына его, все выходящие из ворот города его: и обрезан был весь мужеский пол – все выходящие из ворот города его. На третий день, когда

они были в болезни, два сына Иакова, Симеон и Левий, братья Динины, взяли каждый свой меч, и смело напали на город, и умертвили весь мужеский пол; и самого Еммора и Сихема, сына его, убили мечом; и взяли Дину из дома Сихемова и вышли. Сыновья Иакова пришли к убитым и разграбили город за то, что обесчестили сестру их. Они взяли мелкий и крупный скот их, и ослов их, и что ни было в городе, и что ни было в поле; и все богатство их, и всех детей их, и жен их взяли в плен, и разграбили все, что было в домах. И сказал Иаков Симеону и Левию: «Вы возмутили меня, сделав меня ненавистным для жителей сей земли, для Хананеев и Фerezеев. У меня людей мало; соберутся против меня, поразят меня, и истреблен буду я и дом мой». Они же сказали: «А разве можно поступать с сестрою нашею, как с блудницею!» (Бытие 34:1–31.)

19.25. Атака вслед за третьей барабанной дробью

«В эпоху Чуньцю между княжествами Лу и Ци⁷⁷ вспыхнула война, – пишет в своей статье «Стратегические вопросы революционной войны в Китае» (декабрь, 1936) Мао Цзэдун. – Чжуан-гун, правитель княжества Лу, хотел вступить в бой, не дожидаясь, пока войско Ци будет изнурено, но его удержал Цао Гуй. Они решили прибегнуть к тактике «враг утомился – мы бьем» и разбили армию Ци. В истории китайского военного искусства это стало классическим образцом победы слабого над сильным». Теперь прервем цитату Мао и посмотрим, как описывал эти события историк VI–V вв. до н. э. Цзо Цю-мин⁷⁸.

«Весна. Войско Ци пошло войной на нас. Князь собирался в поход. Цао Гун попросил принять его. Земляк Цао сказал ему: «Сановникам надлежит обдумывать это. Зачем тебе вмешиваться?» Цао Гуй сказал: «Сановники ничтожны, далеких планов строить не могут». Он предстал перед князем

---

⁷⁷ Лу и Ци – два феодальных княжества в эпоху Чуньцю (722–481 до н. э.). Большое княжество Ци находилось в центральной части нынешней провинции Шаньдун, а уступавшее ему по размерам княжество Лу – в южной части той же провинции. Чжуан-гун был князем Лу в 693–662 гг. до н. э.

⁷⁸ Цзо Цю-мин – автор Цзочжуань, известного комментария Чунь цю «Веенни деенейя» эпохи. Приведенная в данном труде цитата взята из этого памятника, охватывающего периоды с 722 по 462 г. до н. э.

и спросил: «Чем будешь ты воевать, князь?» Князь сказал: «Платьем и яствами я не смел наслаждаться один и всегда делил их с другими». Цао Гуй возразил: «Малыми милостями всех не одаришь, народ не пойдет за тобой, князь!» Князь сказал: «Чистых животных, и яшму, и шелк в жертву принося богам, не смел вводить их в обман, всегда поступал по честности». Цао Гуй возразил: «Малой честностью не снискать доверия, боги не дадут благословения». Князь сказал: «В малых и великих тяжбах – пусть даже не мог уразуметь суть – всегда судил по справедливости». Цао Гуй ответил: «Это – честное выполнение долга. С этим можно идти воевать!⁷⁹ Когда ты, государь, пойдешь в бой, позволь сопровождать тебя!» Князь взошел с ним на колесницу, и битва произошла под Чаншао. Князь собирался ударить в барабан к атаке. Цао Гуй сказал: «Еще нельзя!» Трижды били атаку барабаны Ци, и Цао Гуй сказал: «Теперь можно!» Не устояло войско Ци, и князь собрался преследовать его. Цао Гуй сказал: «Еще нельзя!» Всмотрелся в следы их колес, взошел на передок колесницы, посмотрел им вслед и сказал: «Теперь можно!» Тогда началась погоня за войском Ци. После победы князь спросил Цао Гуя о причинах поступков его. Цао Гуй ответил: «Ведь война – это мужество. Первый барабан поднимает мужество, со вторым – оно падает, с третьим – ис-

---

⁷⁹ «Это – честное выполнение долга. С этим можно идти воевать!» – этими словами Цао Гуй хочет сказать, что, когда правитель при рассмотрении тяжб действует справедливо, он может завоевать поддержку народа и, следовательно, может вести войну.

сякает. У врага мужество иссякло, мы же были полны мужества и потому победили. Воюя с большим княжеством, трудно узнать его силы. Я боялся засады. Я всмотрелся в следы их колесниц – они были спутаны; посмотрел на их знамена – они пали. Вот тогда мы бросились в погоню».

Мао комментирует эти события так: «В данном случае обстановка была такова, что слабое княжество сопротивлялось сильному. В тексте говорится о политической подготовке к войне – завоевании доверия народа; говорится о позиции, благоприятной для перехода в контрнаступление, – Чаншао; говорится о моменте, благоприятном для начала контрнаступления, – «у врага мужество иссякло, мы же были полны мужества»... В военной истории Китая имеется чрезвычайно много примеров, когда победы одерживались в результате применения этих принципов: битва между Лю Баном и Сян Юем под Чэнгао⁸⁰, битва между войсками Ван Мана и Лю Сю под Куньяном⁸¹, битва между Юань Шао и Цао Цао под

---

⁸⁰ *Чэнгао* – древний город, находившийся в северо-западной части нынешнего уезда Чэнгао провинции Хэнань. В древние времена был важным стратегическим пунктом. Здесь в 203 г. до н. э. происходила битва между ханьским князем Лю Баном и чуским князем Сян Юем. Сян Юй занял Юнъян и Чэнгао и почти полностью разгромил войска Лю Бана. Однако впоследствии Лю Бан воспользовался благоприятным моментом, когда чуские войска переправлялись через реку Сышуй, нанес им сокрушительный удар и вернул город Чэнгао.

⁸¹ *Куньян* – древний город, находившийся в северной части нынешнего уезда Есянь в провинции Хэнань. Здесь Лю Сю (император Гуан У-ди, основатель восточной ханьской династии) в 23 г. н. э. разгромил войска Ван Мана. В этом сражении неравенство сил было исключительно большим: у Лю Сю было всего 8–

Гуаньду⁸², битва между царствами У и Вэй у горы Чибь⁸³, битва между царствами У и Шу под Илином⁸⁴, битва между государствами Цинь и Цзинь у реки Фэйшуй⁸⁵ и т. д. Во всех

9 тысяч человек, а у Ван Мана – более 400 тысяч. Используя беспечность военачальников Ван Мана – Ван Сюня и Ван И, – вызванную недооценкой сил противника, Лю Сю бросил против них 3 тысячи своих отборных войск, которые и разгромили основное ядро войск Ван Мана; развивая этот успех, Лю Сю перешел в наступление и наголову разбил Ван Мана.

⁸² Гуаньду находился в северо-восточной части нынешнего уезда Чжунмоу провинции Хэнань. Здесь в 200 г. н. э. произошло сражение между войсками Цао Цао и Юань Шао. Юань Шао располагал сотысячной армией. У Цао Цао войск было мало, а запасы продовольствия иссякли. Однако он использовал проявленную Юань Шао беспечность, вызванную недооценкой сил противника, произвел внезапный налет и поджег обозы Юань Шао. Войска Юань Шао охватила паника, и тогда Цао Цао нанес удар, уничтожив главные силы Юань Шао.

⁸³ Войска царства У возглавлял Сунь Цюань, войска царства Вэй – Цао Цао. Чибь – гора на южном берегу реки Янцзы, в северо-восточной части нынешнего уезда Цзяюй в провинции Хубэй. Здесь в 208 г. Цао Цао с 500-тысячным войском, которое он выдавал за 800-тысячное, выступил против Сунь Цюаня. Последний в союзе с другим противником Цао Цао – Лю Бэем – выставил 30-тысячное войско, но, воспользовавшись эпидемией в войсках Цао Цао и их неумением сражаться на воде, сжег суда Цао Цао и разгромил его армию.

⁸⁴ Илин находится в восточной части нынешнего уезда Ичан провинции Хубэй. Здесь в 222 г. Лу Сунь, полководец царства У, нанес жестокое поражение войскам царства Шу, которыми командовал Лю Бэй. Вначале Лю Бэй во всех сражениях одерживал победы и занял Илин, углубившись на 500–600 ли на территорию царства У. После этого Лу Сунь в течение 7–8 месяцев уклонялся от боя. Дождавшись момента, когда войска Лю Бэя «были измотаны до предела, пали духом и потеряли веру в спасение», Лу Сунь воспользовался поднявшимся ветром, поджег лагерь Лю Бэя и разгромил его войска.

⁸⁵ В 383 г. войска государства Восточное Цзинь под командованием Се Сюаня нанесли у реки Фэйшуй (в нынешней провинции Аньхуэй) тяжелое поражение войскам Фу Цзяня, правителя государства Цинь. Последний имел в своем рас-

этих знаменитых сражениях при большом неравенстве сил слабый сначала отступал, а затем захватывал инициативу и побеждал»⁸⁶.

В ту пору «бить в барабан» означало бросить войска в атаку. Когда в стане Ци дважды били в барабан и воины шли вперед на стан Лу, лусцы уклонялись от битвы, и тем самым удар цисцев приходился впустую, а потому, когда проббили барабаны в третий раз, моральный дух цисских воинов выдохся. Цао Гую благодаря тактике выжидания удалось «вытащить хворост из очага» противника и довести его до состояния, которое в *Вэй Ляо-цзы*, последнем значительном военном трактате доимператорского Китая, составленном, по-видимому, Вэй Ляо (IV в. до н. э.), характеризуется следующим образом: «Когда дух отнят, бегут»⁸⁷. Боевой дух войск подвержен, естественно, колебаниям. По-

---

поряжении 600 с лишним тысяч пехоты, 270 тысяч кавалерии и личную охрану в 300 тысяч всадников. Войска Се Сюаня (включая флот) насчитывали лишь 80 тысяч человек. Две армии разделяла река Фэйшуй. Се Сюань использовал заносчивость и самонадеянность противника и обратился к Фу Цзяню с просьбой уступить ему небольшой плацдарм на берегу, где стояла циньская армия, с тем чтобы его войска могли переправиться и дать решающее сражение. Фу Цзянь согласился и приказал своим войскам отойти. Однако, как только его войска начали отход, их уже нельзя было остановить. Воспользовавшись этим, войска Се Сюаня переправились через реку и разгромили армию Фу Цзяня.

⁸⁶ Мао Цзэдун, «Вопросы стратегии революционной войны в Китае» (декабрь 1936): Мао Цзэдун, Избранные произведения, т. 1. Пекин, 1967. С. 268 и след.

⁸⁷ Вэй Ляо-цзы, гл. 4 «Борьба за могущество» [«Чжань вэй»]: Сунь-цзы. У-цзы. Трактаты о военном искусстве. Пер. с кит. Н. Конрада. М.-СПб., АСТ, 2001. С. 113.

добно тому, как лук невозможно постоянно держать натянутым, так и войско невозможно непрестанно подгонять и держать в неустанном напряжении. Уже в древнейшем военном трактате не только Китая, но и всего мира, в *Военном искусстве Сунь-цзы* (VI–V вв. до н. э.) говорится: «У войска можно отнять его дух, у полководца можно отнять его решимость (досл. *сердце*)... у людей утром дух свеж, днем он увядает, а вечером иссякает⁸⁸. Поэтому тот, кто умеет вести войну, избегает противника, когда его дух бодр, и нападает на него, когда его дух увядает или иссякает: вот что значит иметь власть над духом» (*Сунь-цзы*, 7.12–13 «Военное противоборство» («цзюнь чжэн»): Китайская военная стратегия. Пер. с кит. В. Малявина. М., Астрель, 2002. С. 162).

Китайские комментаторы *Военного искусства Сунь-цзы* ссылаются здесь на победу Цао Гуя над циским войском. Ключом к его успеху послужило не преимущество в вооружении или численности, а применение стратагемы 19. Дей-

---

⁸⁸ Чжэнь Юй – сунский комментатор военного трактата «Сунь-цзы», например, так разъясняет это место: «Утро – это образ вообще всякого начала, день – это образ середины, вечер – это образ конца; это все – не просто начало, середина и конец дня. Вообще дух людей устроен так, что, когда человек впервые приходит к чему-нибудь и начинает браться за что-нибудь, его дух бодр и полон энергии; когда это продолжается долго, человек утомляется, и дух его падает. Поэтому тот, кто умеет вести войну, избегает такой обстановки, когда противник бодр и полон сил и когда защищается крепко, а поджидает, когда тот утомится и будет помышлять только о том, чтобы пойти домой, и тогда такой полководец двинет свои войска и ударит на него. Это означает: уметь управлять своим духом и подрывать дух противника» (*Сунь-цзы*. У-цзы: Трактаты о военном искусстве. Пер. с кит. Н. Конрада. М.-СПб., АСТ, 2001. С. 211). – *Прим. пер.*

ствия Цао Гуя как блистательный пример стратагемы 19 в действии описывают в многочисленных китайских букварях о 36 стратагемах, а не только в школьных учебниках. Когда я в качестве члена делегации по правам человека от швейцарского Министерства иностранных дел посетил Лхасу, то обнаружил этот пример в шестом выпуске учебника китайского языка для младших классов средней школы под заголовком «Цао Гуй объясняет военное дело».

Кажется, Ленин сказал, что для уничтожения народа вначале нужно разрушить его мораль. До Ленина прусский офицер Карл фон Клаузевиц, которого тот внимательно и с одобрением читал, учил, что война есть столкновение противостоящих волей: «Чтобы сокрушить противника, мы должны соразмерить наше усилие с силой его сопротивления; последняя представляет результат двух тесно сплетающихся факторов: размер средств, которыми он располагает, и его воля к победе»⁸⁹. Не только материальная сила или определенные навыки, но и моральный дух составляет нерв войны. «Чего стоят на войне танки, самолеты и перевес в живой силе, если в войсках отсутствует боевой дух? Ответ очевиден: ничего! Без горючего не тронется ни один танк, не взлетит ни один самолет, а без боевого духа любое войско будет мертво»⁹⁰.

---

⁸⁹ «О войне», часть первая «Природа войны», гл. 1 «Что такое война?», § 5 «Крайнее напряжение сил». Клаузевиц. О войне. М., Госвоениздат, 1934.

⁹⁰ Из Введения к посвященному теме «боевого духа» выпуску газеты Der

К победе может вести не только уничтожение вражеских войск, но и лишение противника мужества. Однако успешное применение стратагемы 19 в войне посредством подрыва морального духа противника не всегда оказывается делом простым. Так, принятое британским правительством 14.02.1942 решение приступить к ковровому бомбометанию преследовало главным образом цель подрыва морального духа гражданского населения Германии. Но вышло все наоборот. Воздушный террор послужил поводом для германского руководства представить ведущуюся им войну с союзниками как справедливую.

Современное ведение войны наряду с техникой и энергетическими ресурсами основывается прежде всего на информационном оружии, пишет Шэнь Вэйгуан в статье об «информационной войне»⁹¹. В информационной войне применение стратагемы 19 не ограничивается нападением на сети передачи данных, цифровые средства обработки, а включает распускаемую СМИ дезинформацию «вплоть до троянских вирусов»⁹². Информационное оружие играет большую роль и при воздействии на волю и решимость к борьбе как собственной армии, так и армии противника. Современная война все больше опирается на силу духа и иные нематериаль-

---

Schweizer Soldat/Wehrzeitung. Цюрих, 15.11.1967. С. 89.

⁹¹ Жэньминь жибао. Пекин, 23.06.1996. С. 4.

⁹² «Nicht Erklärte Kriege: Geheimdienste und Militärs haben Computer und Datennetze im Visier» [«Необъявленная война: секретные службы держат под прицелом ЭВМ и сети передачи данных»]: Цайт. Гамбург, 10.11.1998. С. 50.

ные ресурсы.

Стоит лишить противника силы духа, воли к борьбе – самое грозное оружие становится бесполезным: ведь он утрачивает волю привести оружие в действие. Тем самым современная, использующая информацию в качестве оружия психологическая и пропагандистская военная машина проводит в жизнь признанное еще Сунь-цзы высшим проявлением военного искусства правило: «Покорить чужую армию, не сражаясь»⁹³.

---

⁹³ «Сунь-цзы» 3.1 «Стратегия нападения» [«моу гун»]: Китайская военная стратегия. Пер. с кит. В. Малявина. М., Астрель, 2002. С. 128.

19.26. Пресечь малодушие

В начале правления династии Восточная Хань (25–220) вражеские войска совершили ночной набег в расположение У Ханя, начальника войскового приказа [*дасыма*]. Все вокруг пришли в замешательство, лишь один У Хань невозмутимо продолжал лежать на своем ложе. Когда солдаты увидели, что их военачальник сохраняет присутствие духа, их растерянность улеглась, и они вскоре пришли в себя. Теперь У Ханю нельзя было терять ни минуты. Он приказал своим отборным частям предпринять в ту же ночь ответную вылазку. Вскоре противник был обращен в бегство. У Хань воздействовал на своих подчиненных не напрямую, скажем, угрожая сурово наказать растерявшихся воинов, а потушил пламя охватившего их страха, как повествуется в трактате о 36 стратагемах.

Схожим образом в момент опасности воздействовала на своего супруга, византийского императора Юстиниана I Великого (ок. 482–565, на троне с 527), его жена и соправительница императрица Феодора (497–548). Так называемые зеленые [*прасины*], объединившись с приверженцами так называемых голубых [*венеты*]⁹⁴, восстали против императора⁹⁵.

---

⁹⁴ *Венеты* и *прасины* – главные цирковые партии (димы) в городах Византии, где (как ранее в античном Риме) проводились состязания (преимущественно конные) и представления в цирке и на ипподроме. Вокруг зрелищ складывались

Они требовали смещения высших сановников, для пущей убедительности предав огню расположенную рядом с царским дворцом церковь, и угрожали, что посадят на престол другого. Когда посланные императором против бесчинствующих мятежников войска дрогнули и отступили, генералы стали уговаривать Юстиниана бежать.

И тут, «когда у дверей императорского дворца раздались угрожающие крики торжествующих мятежников, когда обезумевший Юстиниан, потеряв голову, видел одно спасение в бегстве», положение спасла Феодора. «Она присутствовала на совете сановников; все пали духом, она одна оставалась бодрой и спокойной. Ею не было еще произнесено ни слова; вдруг среди полной тишины она поднялась, вся в негодовании на всеобщее малодушие, и напомнила императору, а также и министрам об их долге: «Если бы не оставалось другого исхода, кроме бегства, – заявила она, – я не хочу бежать. Кто носит царский венец, не должен переживать его потерю.

партии «болельщиков», получавшие названия по цвету одежды возниц (венеты – «голубые», а прасины – «зеленые»). Димы имели свое выборное руководство, штат прислуги, возниц, артистов, а также дома, лошадей, денежные средства, которые каждая партия собирала со своих сторонников. Первоначально димы были чисто спортивными организациями. После принятия закона императора Константина (правившего в 306–337 гг.) об «аккламациях» (праве городского населения выражать возгласами одобрение или неодобрение зачитываемым в цирке постановлениям властей) димы к концу IV в. стали превращаться в своеобразные политические партии с определенной социальной окраской. См. БСЭ, 3-е изд. – *Прим. пер.*

⁹⁵ Восстание «Ника». Ника (*греч.*) – победа.

Я не увижу того дня, когда меня перестанут приветствовать императрицей. Если ты хочешь бежать, царь, это твое дело; у тебя есть деньги, суда готовы, море открыто; что касается меня, я остаюсь. Мне нравится старинное выражение, что порфира – прекрасный саван». В этот день, когда, по выражению современника, «империя находилась, казалось, накануне гибели», Феодора спасла престол Юстиниана, и в этой последней борьбе, где на карту были поставлены и трон ее, и жизнь, воистину ее честолюбие возвысилось до героизма»⁹⁶.

В свете этих двух примеров утверждение «боевой дух не подчиняется приказам» предстает неполным, и его следует видоизменить следующим образом: «хотя боевой дух и не подчиняется приказам, он все же поддается влиянию и порой даже бывает управляем».

---

⁹⁶ Шарль Диль. Византийские портреты. Пер. с фр. М. Безобразовой. М., Искусство, 1994. С. 55 [1-е изд. 1914]. Зенгер приводит эту выдержку из журнала Zeitmagazin. Гамбург, 14.05.1998. С. 35.

19.27. Достижение мира отлучением мужей от брачного ложа

Пелопоннесская война (431–404 до н. э.) между Афинами и Спартой идет уже двадцатый год. Женщинам не удается уговорами побудить мужчин к миру. Тогда Лисистрата, героиня одноименной комедии Аристофана, впервые разыгранной на афинской сцене в 411 г. до н. э., «пускается на хитрость».

Лисистрата созывает к Акрополю афинянок, чтобы поведать им свой замысел. Туда же приходит и Лампито, посланница Спарты. Заставить мужчин заключить мир женщины должны, отказывая им в супружеских ласках. Афинянки произносят торжественную клятву и скрепляют ее круговой чашей вина. Лампито возвращается в Спарту, чтобы подбить на те же меры своих соплеменниц. А афинянки тем временем занимают Акрополь [где, кстати, хранилась городская казна].

Дальнейшие события показывают, что многие женщины тяготятся взятым на себя обязательством. Лисистрата прилагает все свое умение, чтобы удержать своих изголодавшихся по любви сторонниц. Ей это удается, напоминая о принесенной клятве. Затем следует сцена любовного свидания Миррины и ее мужа, Кинесия, сгорающего страстью и желающего ее утолить. Миррина умело распаляет его страсть, чтобы

в итоге оставить несолоно хлебавши. В этой сцене затеянная женщинами блестящая игра достигает своей высшей точки. Когда же приходит вестник спартанцев, который сообщает о том, что подобное творится и у лакедемонян, бывшие противники достигают взаимопонимания. Заключается мир, отмечаемый пиршеством и танцами. Так спор улажен с помощью не военной, а «мирной хитрости».

19.28. Наркотики против строптивости

В захудалой деревеньке Мэнгуаньтунь помещичья семья Ни была самой знатной. Дед Ни Учэна, известный ученый – цзюйжэнь⁹⁷, был сторонником реформ и в двадцать первый год эры правления Гуансюй⁹⁸ принимал участие в «подаче петиции», или, как говорили тогда, «передаче прошения с общественной повозки». Он сам изготовил деревянные матрицы и отпечатал прокламацию, в которой ратовал за «Небом дарованные ноги»⁹⁹, что в те времена считалось не просто радикальной, но прямо-таки экстремистской и крамольной идеей. После поражения реформаторов в двадцать четвертый год правления Гуансюя дед покончил с собой – повесился. Об этом прискорбном событии в доме открыто не говорилось, и Ни Учэн узнал о нем из случайных упоминаний слуг и родственников, хотя и не все понял в этих давних делах.

Бабушка Ни Учэна глубоко переживала обрушившиеся на

---

⁹⁷ Вторая после сюэя ученая степень в старом Китае.

⁹⁸ Династии и годы правления каждого императора имели особые девизы-иероглифы, символизирующие счастье, благополучие, мир. Эра Гуансюй («Блестящее наследие») – годы правления маньчжурского императора Дэцзуна (1875–1908).

⁹⁹ Требование отмены бинтования ног благородных китайянок.

семью несчастья, будучи убежденной, что всему виной злой рок. Она не раз обсуждала со своими сыновьями, как исправить положение, но те ничего путного предложить не смогли. Из всей семьи лишь энергичная невестка, мать Ни Учэна, была способна придумать что-то дельное, и она действительно предложила выход: сняться с насиженных мест и перебраться в другие края, чтобы избавиться от злой силы, преследовавшей семью.

Родня поддержала смелое решение. Однако все окрестные земли были давным-давно заняты, и семье пришлось остановить свой выбор на деревеньке еще более неказистой, чем прежняя, – на Таоцунь, лежавшей в шестидесяти ли, до которой и добираться было куда сложнее, чем до Мэнгуаньтунь. Почти три года они строили дом, на него ушла уйма денег, но зато теперь семейство владело и домом, и грушевым садом площадью в два му¹⁰⁰, током и крупорушкой. Всего в усадьбе насчитывалось двадцать с лишним построек. Семья Ни переехала в Таоцунь в год смерти императора Гуансюя – в 1908 г.

Отец Ни Учэна (старший из братьев) своими странностями и причудами несколько не походил на своего покойного отца-радикала, готового в любой момент на крайние действия. Ни Вэйдэ был человеком медлительным и вялым. Он принадлежал к той породе людей, которых обычно зовут недотепами или тряпками. Однако его жена, мать Ни Уч-

---

¹⁰⁰ Мера площади, равная 6,6 акра.

эна, относилась к слабостям мужа иначе. Она сочувствовала ему и вступалась за него. Эта крупная, видная женщина, весьма решительного нрава, с ясной головой, к тому же обладавшая сильным чувством собственного достоинства, была, несомненно, самой авторитетной фигурой в семье. Как только она вошла в семью Ни, она сразу почувствовала, что дела в этом доме плохи – дом околдован. Понятно, что это сильно огорчило ее, но она приложила всю свою энергию, волю и ум, чтобы воспрепятствовать крушению семьи.

В старом поместье Мэнгуаньтунь ей часто по ночам в шуме ветра слышались странные заунывные звуки, похожие на крик животного или плач обиженного духа. Ей делалось страшно, потому что она твердо знала, что это кричит «оборотень». Несколько раз ей во сне снился свекор, на которого в жизни она как сноха не смела даже глаз поднять. Теперь он стал часто являться ей. Он предстал перед нею вполне здоровый и умиротворенный. Как-то он ей сказал: «Вот я немного покурил опиума, и недуг мой сразу прошел». Его странно дребезжащий голос вызывал у нее страх. Пробудившись, она продолжала слышать: «Вот я покурил немного опиума, и мой недуг сразу прошел».

И она наконец прозрела! Предки ее семьи наверняка обладают волшебной силой, а потому род Ни никогда не пресечется. О Всевидящее Небо! Значит, спасительная сила таится в опиуме. Значит, тот, кто курит опиум, действительно испытывает не только успокоение, но и блаженство, поэтому

в пристрастии Ни Вэйдэ к зелью следует видеть не только слабость, но и некую жизненную силу и устойчивость.

Теперь мать Ни Учэна стала поощрять опекуренное, да и сама не прочь была сделать пару затяжек. Однако себя она контролировала и не позволяла себе всецело поддаться соблазну, потому что после переезда в Таоцунь она стала единственной опорой разваливавшейся семьи. Она не могла и не имела права впадать в крайность, тем более допустить душевную болезнь. Она не позволяла себе витать в облаках, как это делал ее непутевый муж...

На пятом месяце беременности она схоронила свекровь, а на седьмом – мужа... В третий год эры Сюаньтун, за три месяца до Синьхайской революции, семя Ни Вэйдэ созрело – и на свет появился Ни Учэн, на котором, как ни странно, нисколько не отразились переживания матери в связи с кончиной близких людей. Он рос здоровым и крепким мальчиком – словом, весь в мать, однако ясности ее ума он все же не унаследовал. Умом он едва ли уступал другим детям, разве что совсем немного. В четыре года он уже умел писать свое имя, в пять – пошел в частную школу, а в девять лет поступил в «заморские классы» и вскоре увлекся статьями Лян Цичао, Чжан Тайяня и Ван Говэя¹⁰¹. Когда ему стукнуло

---

¹⁰¹ *Лян Цичао* (1873–1929) – крупный общественный деятель, философ, литератор, один из зачинателей движения за реформы; *Чжан Тайянь* (1869–1936) – видный общественный деятель, литератор и ученый, принимавший в начале XX в. активное участие в революционно-демократическом движении; *Ван Говэй* (1887–1927) – известный теоретик литературы и искусства, стремившийся

десять, мать свозила его в дом бабушки, своей матери, где он познакомился со своей двоюродной сестрой – дочкой дяди, девочкой с крохотными спеленатыми ножками. Встреча с маленькой родственницей и ее бинтованные ножки так глубоко поразили его, что он тут же открыто объявил себя противником бинтования ног. Охваченный благородным порывом, он со слезами на глазах заявил, что этот обычай дикий и глупый. Этими словами он кровно обидел своего дядю и крайне испугал мать, которая увидела в его поступке проявление злой силы.

С этого времени мать Ни Учэна жила во власти постоянного страха, терзавшего ее душу. Преданные слуги чуть ли не каждый день доносили ей новости о выходках сына, которые рождали в ее душе все новые опасения: «Ни Учэн часто беседует с арендаторами, толкует, что всю землю надо разделить так, чтобы «каждому пахарю досталось свое поле», как учил «отец нации» Сунь Ятсен¹⁰². Ни Учэн говорит, что помещики живут за счет аренды земли, а это, мол, сущий паразитизм. Словом, наш «маленький барин» несет несусветную чушь и всякую околесицу». Эти краткие «отчетные доклады» то и дело тревожили мать.

Вскоре она обнаружила, что сын страдает бессонницей.

соединить традиционные понятия китайской культуры с категориями западной эстетики.

¹⁰² *Сунь Ятсен* (1866–1925) – выдающийся политический деятель, революционер-демократ, руководитель революционно-демократического движения в Китае; в 20-х гг. XX в. – глава государства.

Годами молод, а вот на тебе – не спит по ночам, чуть не полночи ворочается в постели. Однажды она спросила его, почему он не спит. Сын ответил, оттого, мол, что он не понимает смысла и цели жизни и не видит в ней ценности. В это время Ни Учэну исполнилось четырнадцать лет. Однажды в канун Нового года вся семья собралась вместе, чтобы идти в храм, поклониться предкам и установить в их честь поминальные таблицы. На полпути мальчик вдруг исчез. Искали его долго, наконец нашли: оказалось, он убежал в грушевый сад смотреть на звезды. Мать велела ему вернуться, а он ни в какую. Посещение храма – это, мол, суеверия и сплошной самообман. Наступит время, когда он все эти таблицы предков расколошматит в пух и прах.

Мать чувствовала, что рано или поздно грянет большая беда, что надо с кем-то посоветоваться, но с кем? Тайна о том, что бесовская сила околдовала сына, не должна была выплыть наружу и достичь чужих ушей, потому что в роду Ни сразу же найдется немало прохвостов, которые после кончины Ни Вэйдэ могли позариться на имущество семьи. Но пока они еще не решаются что-либо предпринять, потому что жив законный наследник – их братец Ни Учэн. А что, если посоветоваться с кем-то из собственной семьи?.. И она решила обратиться к брату, который ничтоже сумняшеся дал два дельных совета: во-первых, племяннику следует курить опиум, а во-вторых, его надо непременно женить. «Учти! – сказал он. – Всякого незаурядного человека да и просто лад-

ного парня может в любой миг окрутить нечистая сила. Поэтому он должен, во-первых, не расставаться с трубкой, а во-вторых, найти себе женщину. И тогда сердце его успокоится, дух усмирится, а жизнь потечет вполне сносно. – Он помолчал минуту и более уверенно добавил: – Пример тому я сам. В молодости, как известно тебе, нрав я имел разбойный, но в конце концов усмирил его. Ведь так? Правда, одна жена мне не помогла, пришлось взять еще двух «крошек»!»

Сестре от таких слов впору было развеяться. Эта неграмотная женщина, никогда никуда не выезжавшая, напуганная до смерти событиями Синьхайской революции и всем происходившим после установления республики¹⁰³, стала подозревать, что и в глубине души ее сына зреет семя «революции», которое в тысячу раз страшней и опасней, чем любой опиум. Ведь смерть от опикурения – это всего лишь гибель одного человека. А вот революция та грозит гибелью всех устоев, разрушением родовых храмов и молелен. Это кара Небес, жуткая катастрофа! Революция способна все перевернуть вверх дном: опрокинуть небо и вздыбить землю.

Пятнадцатилетний Ни Учэн, как-то вернувшись из школы, застал мать лежащей на кане, в облаках дыма со странным пьянящим запахом. Вдохнув дурманящего зелья, он по-

---

¹⁰³ До 1911 г. китайское летосчисление велось с момента образования каждой новой династии, а с 1911 г. (Синьхайская буржуазная революция) до 1949 г. указывали год существования буржуазной республики. (Ван Мэн. Избранное / Под ред. С. Торопцева. Пер. и комментарии Д. Воскресенского. М., Радуга, 1988. С. 72–86).

чувствовал необыкновенное возбуждение. Ему захотелось покурить самому. Желание жгло его, как мучит человека голод. Он затаился раз-другой и сразу же почувствовал опьянение, в голове помутилось, все члены ослабли. Он ощутил странное, но приятное чувство, почти блаженство. Из глаз хлынули слезы.

С этого дня Ни Учэн под руководством своей матушки приобщился к опиекурению, а его двоюродный братец вскоре преподал ему урок «ручного блуда». Юную душу Ни Учэна терзали сомнения, на сердце лежала тяжелая ноша. Став совсем взрослым, он мог с полной уверенностью указать, кто был его главным наставником в жизни: мать и двоюродный братец. Оба они преследовали одну цель и в результате сделали все, чтобы соединить два звена цепи грехов, стянувшей шею юноши. Правда, предположить, что братец действовал по указке матери, Ни Учэн, конечно, не мог. Юношу терзали страхи, он испытывал мучительный стыд. Едва он начинал об этом думать, как к горлу подкатывала тошнота... О Всевышний! Никто и представить не мог, во власти каких кошмаров жил Ни Учэн.

Дурные наклонности скоро дали о себе знать: шестнадцатилетнего юношу свалил недуг. На первый взгляд вроде и не слишком серьезный, всего-навсего расстройство желудка. Однако поносы стали мучить его непрерывно, что бы он ни съел.

И все же ему удалось встать на свои исковерканные ноги, в

этом он увидел счастливое знамение, которое, как он смутно чувствовал, связано с первыми волнами обновления, с революционным порывом, захлестнувшим в те далекие времена Китай. А может быть, он увидел знак бога смерти? В свое время на смертном одре молодой Ни Учэн уже ощутил его дыхание. Но потом смерть его отпустила. Вырвавшись из ее объятий, Ни Учэн словно прозрел... Раскаяние матери тоже сыграло свою роль.

Убитая горем, она обливалась слезами, каялась перед сыном. Это она, злодейка, отравила ядом опиума мужа и сына, можно сказать, погубила два поколения семьи. «Я виновата перед тобою, мой мальчик. Ой, какой грех, какой грех я совершила! Шею мне мало свернуть, окаянной! – рыдала она. – О Небо, о Земля, покарайте меня, пусть на моем поганом языке вскочит чирей... Но я старалась ради семьи!»

Выздоровев, Ни Учэн первым делом сломал трубку для опиума и зажигалку, а потом выставил из дому двоюродного брата, который однажды пожаловал к нему с грязными предложениями. Ни Учэн не жалел, что бросил курить, тем более не испытывал ни малейшего сожаления по поводу разрыва с братом. Ему было жаль только мать. Болезнь подкосила ее, сразу состарив ее лет на десять. Несчастливая вдова, потерявшая мужа в середине жизни и оставшаяся с единственным сыном на руках. Горе, подкосившее мать, разрывало Ни Учэну душу... Но однажды из-за нее он уже пострадал и чуть было не умер. Может быть, и ему уготована ранняя смерть?

Приведенную здесь почти целиком четвертую главу своего романа «Метаморфозы, или Игра в складные картинки» прочитал на китайском языке председатель Союза китайских писателей Ван Мэн 9.07.1996 в Вене. Для незнакомой с китайским языком публики в исполнении австрийского актера звучал немецкий перевод Ульриха Каутца (Kautz), появившийся под названием «Редкий дар – глупость»¹⁰⁴. Ван Мэн, родившийся в Пекине в 1934 г., вступил в Коммунистическую партию Китая в 1948 г. В 1956 г. опубликовал рассказы критического содержания («Зимний дождь» и «Новичок в орготделе»), за что в 1957 г. был исключен из партии, а в 1965-м – сослан на «трудовое воспитание». Лишь в 1979 г. Ван Мэн был окончательно реабилитирован и смог вернуться в Пекин, где продолжилась его писательская и началась политическая деятельность. Одно время он был членом ЦК КПК. В 1986 г. он становится министром культуры. В начале сентября 1989 г. он оставляет этот пост «по состоянию здоровья» (см. также 20.12 и 26.13). Его многочисленные произведения переведены на ряд языков. После его читки главы из романа я спросил Ван Мэна, не воспользовалась ли мать в отношении сына стратагемой «вытаскивания хвороста из очага». Ван Мэн согласился, но при этом добавил, что сама стратагема должна служить благородной цели, иначе желанного действия не достичь. Так что матери, в данной ситуации

---

¹⁰⁴ Rare Gabe Torrheit, Frauenfeld, 1994.

воплощающей собой крайний и порочный консерватизм, в итоге не удалось погасить пылающий внутри Ни Учэна революционный огонь.

Подобно тому, как мать Ни Учэна применила к сыну страгему 19, похоже, действовали американские власти по отношению к неграм. В своем фильме *Пантера* (1995) Марио Ван Пиплз (Peeples, род. 1957) показывает, как американские власти намеренно не вмешиваются в торговлю наркотиками в негритянских гетто.

И когда пишут, что на протяжении двадцати лет израильские агенты якобы снабжали египетскую армию самым дешевым гашишем с целью подрыва боевого духа ее солдат. В рамках операции «Лахав» («Клинок») граждане Израиля с 1967 г. будто бы переправили контрабандным путем по морю из Ливана через Израиль в Египет целые тонны наркотиков. В результате потребление наркотиков в египетской армии возросло на 50 процентов¹⁰⁵. Похоже, и китайцы уверены, что посредством наркотических средств, будь это настоящие обезболивающие лекарства или же – что еще более действенно – предназначенные исключительно для получения «удовольствия» наркотики, можно подорвать здоровье целой нации.

---

¹⁰⁵ Бильд. Гамбург, 23.12.1996. С. 2.

19.29. «Отбросы культуры», разъедающие устои китайской жизненной силы

«Порнография, изображение насилия и прочие «культурные отбросы» представляют собой своего рода духовный опиум. Они разъедают людские души, разрушают силу воли, губят мораль и общественные нравы и тем самым подтачивают опору жизненной силы», – утверждают три автора, выступившие 17.12.1996 со статьей в главной китайской газете *Жэньминь жибао*. Главная идея их статьи состоит в том, что враждебные международные силы хитростью и уловками стремятся использовать радио, телевидение, кино и другие средства массовой информации для внедрения в Китае своей идеологии и культуры со злым умыслом – утвердить здесь свои политические взгляды, ценности и образ жизни и тем самым расшатать устои жизненной силы Китая, изменить политические воззрения, исказить духовную жизнь и, наконец, заменить социалистическую идеологию капиталистической. Если бы рельсы китайского рынка культуры оказались состыкованными с рельсами международного рынка культуры, это означало бы допущение к нам направленного на озападнивание и развал Китая заговора международных враждебных сил. Авторы подтверждают свое мнение ссыл-

кой на Дэн Сяопина, говорившего: «В отношении экономики мы придерживаемся двойной линии. С одной стороны, мы ратуем за открытость, однако с другой – не желаем слепо и беспорядочно допускать к себе все, что угодно, и прежде всего мы не должны допустить у себя тлетворного влияния капитализма и всеми силами бороться с этим».

Дважды авторы статьи предупреждают о «расшатывании устоев жизненной силы» Китая западными «отбросами культуры», и данное предупреждение они выражают в духе страгемы 19. Зачастую не внушающими подозрения путями, чего и опасаются авторы, вражеские силы пытаются тихо и незаметно сломать духовный стержень китайцев и тем самым переделать Китай на западный манер. Авторы статьи в некоторой степени перекликаются с размышлениями одного из основателей итальянской Коммунистической партии Антонио Грамши (1891–1937). По мнению Грамши, любой смене власти предшествует «революция без революции», когда будущие властители расчищают себе путь, выхолащивая ценности, этические и эстетические начала действующей власти, подвергают их критике и осмеянию, искажают или разрушают. Даже в области языка они незаметно обесценивают или нейтрализуют то, что хотели бы упразднить в сфере политической. Насколько возможно они выхолащивают смысл слов, лишая их присущего им содержания или вытесняя их нужными им словами. Прежде чем станет возможным «политическая гегемония», необходимо, как считал

Грамши, обрести «культурную гегемонию». Разумеется, китайские коммунисты не являются последователями Грамши. Но, согласно китайскому марксизму, так называемая надстройка, иначе говоря, вся культура не только является отражением экономического базиса, но одновременно существенно воздействует на общество и его развитие. Поэтому руководство Китайской Народной Республики всегда уделяло «надстройке» во всех ее проявлениях огромное внимание. КПК неукоснительно следит за тем, чтобы «надстройка» содействовала, а не мешала ее политическим целям, в частности, анализируя иностранное влияние, в том числе со стороны западной кино- и телевизионной индустрии с позиции страгаемы 19.

В *Жэньминь жибао*, печатном органе Центрального комитета Коммунистической партии Китая, в номере за 21.03.1998 два автора пишут: «По окончании холодной войны до некоторой степени оказались стертыми идеологические противоречия. Однако культурные противоречия и споры ни на миг не ослабевают. Можно утверждать, что новая хитрость современного гегемонизма состоит в осуществлении собственных интересов посредством духовно-культурной экспансии. Попросту говоря, он использует духовную жизнь и культуру для проникновения во все уголки земли и достижения таким образом господства в мире. Американские ученые совершенно открыто заявляют, что будущее противоборство переместится главным образом в ду-

ховно-культурную плоскость. При духовно-культурном противостоянии прежде всего стремятся психологически обрабатывать людей в духовно-культурной сфере для завоевания их сердец». Чтобы противостоять используемой «гегемонизмом» (под которым в Китае подразумеваются в основном США) стратагемы 19, которая, помимо прочего, претворяется в жизнь утверждением культа денег и распространением американских фильмов и телепрограмм, рекламирующих безудержное сладострастие, оба китайских автора считают, что «крайне важно вырабатывать у людей разборчивый вкус и духовную стойкость. Тот, кто не отличается разборчивым вкусом и духовной стойкостью, без единого выстрела будет побежден в этой войне».

Чтобы обессилить иной народ, враги лишали его своей веры. Так, «важная древняя святыня саксов Ирминскуль¹⁰⁶ бы-

---

¹⁰⁶ Немецкий средневековый историк, саксонский бенедиктинский монах аббатства Корвей в Вестфалии Видукинд Корвейский (ок. 925 – после 973) в «Истории саксов» (в 3-х книгах; доведена Видукиндом до 967-й; продлена неизвестным автором до 973-й) говорит о культовом столпе саксов (по-видимому, культовом аналоге Иггдрасиля, мирового древа скандинавской мифологии): «Когда наступило утро, они поместили у восточных ворот орла, соорудили алтарь победы и, согласно суеверным обычаям своих предков, как это у них принято, стали оказывать почести своей святыне, по имени [эта святыня] была Марс, по виду колонн [она] походила на Геркулеса, по местоположению это был [бог] солнца, которого греки называют Аполлоном. Отсюда представляется правдоподобным мнение тех, которые полагают, что саксы берут начало от греков, так как Гермин или Гермес по-гречески обозначает Марс; этим словом, не зная [его значения], мы пользуемся до сего дня для хвалы и для порицания»). Видукинд Корвейский, Деяния саксов, кн. 1, гл. 12. Вступительная статья, перевод и комментарии Г.

ла в 772 г. полностью разрушена завоевателями-франками под предводительством Карла Великого, как свидетельствуют тогдашние источники¹⁰⁷. Такое уничтожение должно было, показав явное превосходство христианского бога, подорвать дух языческого сопротивления. С подобной целью пятьдесятю годами ранее христианский проповедник Бонифаций на глазах язычников срубил секирой схожее с Ирминсулем капище, дуб Донара»¹⁰⁸.

Санчука. М., Наука, 1975).

¹⁰⁷ «Саксы, испробовав разнообразные верования франков, о чем нам нет нужды говорить, так как об этом можно найти запись в их деяниях, оставались вплоть до времени Карла Великого в заблуждении отцов. А Карл же Великий, который был самым храбрым из королей, в оказании заботы проявлял не меньшую мудрость. И действительно, поскольку для своего времени он был мудрейшим из всех людей, то считал, что не следует удерживать в ложной вере соседний и благородный народ. Всеми средствами он усиленно трудился над тем, чтобы вывести [народ] на путь истинный, и то ласковым советом, то с помощью военного похода принуждал к этому, и на 30-м году своей имперской власти – ибо из королей он был произведен в императоры – добился, наконец, того, к чему не переставал стремиться много времени. И, как мы видим, те, которые некогда были союзниками и друзьями франков, стали уже [их] братьями и как бы единым [с ними] народом по христианской вере» (там же, кн. 1, гл. 14 и 15).

¹⁰⁸ Sabine Lippert. «Irminsul und die Unterwerfung der Sachsen» («Ирминсуль и покорение саксов»): Kult-urnotizen. Bettendorf, № 22, июль 1998. С. 30. Дуб Донара, бога-громовника в германской мифологии, находился близ городка Фрицлар, что в Северном Гессене. – *Прим. пер.*

19.30. Уклонение от суда

Янь Чжи-чжуну, деревенскому богатею, имевшему ученую степень *гуншиэна*¹⁰⁹, донесли, что уездный начальник принял против него две челобитные: одну за то, что присвоил чужую свинью, а вторую – за то, что неправомочно удерживал у себя вексель. Янь Чжи-чжун пришел в большое волнение: «В обеих жалобах чистейшая правда. Если они будут разбираться, то, кроме ущерба для моей репутации, я ничего не получу. Как говорят, «из тридцати шести стратагем лучшая – бежать». Поразмыслив, он собрал вещи и спешно отправился в провинциальный город.

А тем временем уездный, приняв жалобы, послал служителей ямыня к Яню, но того уже и след простыл. Посланцы застали в доме лишь его младшего брата Янь Чжи-хэ, которого величали Янь Да-юй, что значит Янь «большой эрудиции». Они были единоутробными братьями, но жили в разных домах. Янь Чжи-хэ имел ученую степень *цзяньшэна*¹¹⁰, и

---

¹⁰⁹ *Гуншиэн* – почетное звание, которое давалось особо отличившимся сюцаям, и одной из привилегий обладателей этого звания являлось то, что они могли учиться в Государственном училище, вследствие чего большие возможности для сдачи последующих, уже провинциальных экзаменов; сюцай, досл. «выдающийся талант» – обиходное название низшей ученой степени шэньюань, дававшейся тем, кто выдержал уездно-областной экзамен.

¹¹⁰ *Цзяньшэн* – ученик Государственного училища, представлявшего собой учреждение, готовившее учеников к предстоящим провинциальным экзаменам,

богатство его превышало сотню тысяч лянов серебром. Получив от посланцев ямыня недобрые вести, богач Янь Чжи-хэ, от природы очень трусливый, обошелся с ними весьма учтиво. Он напоил их вином и вынес им две тысячи медных монет, а когда они ушли, срочно послал слугу пригласить родственников на совет.

У него было два шурина сюцая, оба стипендиаты. Один, Ван Дэ, получал содержание от области, а второй, Ван Жэнь, – от уезда. Оба они служили учителями в богатых домах и пользовались известностью. Получив приглашение мужа своей младшей сестры, они не замедлили явиться к нему, и тот рассказал им обо всем. «Что же делать? – спросил Янь Чжи-хэ. – Ведь имеется вызов в ямынь». – «Твой братец все время хвастался своей дружбой с уездным Таном, – засмеялся Ван Жэнь. – Почему же он испугался и убежал?» – «Что об этом говорить. Братца моего и след простыл. А вот нарочные кричат и требуют его. Не могу же я бросить дом, чтоб искать его, да и вряд ли он захочет вернуться». – «Это дело тебя не касается, – сказал Ван Жэнь, – ведь вы живете порознь». – «Ты не понимаешь, – возразил Ван Дэ. – Эти нарочные знают, что он богат, ну и, как говорится, «хватают ту голову, на которой отросли волосы». Если же наш зять откажется отвечать за брата, то будут придирааться еще больше. Сейчас надо действовать по принципу «вынимай хворост из-

---

которые проходили раз в три года в Пекине, Нанкине и в провинциальных центрах. – *Прим. пер.*

под котла» – попросить кого-нибудь успокоить истцов, добиться от них заявления о прекращении дела, и концы в воду. К тому же, мне думается, дело несерьезное». – «Не обязательно просить кого-нибудь, – заметил Ван Жэнь. – Мы сами сходим к Ван Сяо-эру и Хуан Мын-туну и договоримся с ними. Свинью надо вернуть Вану и сунуть немного серебра его брату на лечение ноги, а Хуану отдать вексель. За один день все и уладим». – «Вы правы, уважаемый шурин, но жена моего брата баба глупая, – возразил Янь Чжи-хэ, – а племянники сущие волки: ничьих советов не послушают. Разве они согласятся расстаться со свиньей и векселем?» – «Не говори, зять, об этом. Если невестка и племянники заупрямятся, придется тебе пострадать и выложить еще несколько лянов за свинью, а что касается векселя этого Хуана, то мы как посредники напишем ему бумагу, в которой признаем вексель недействительным. Вот тогда можно считать, что дело улажено». Наконец решение было принято, и все обошлось как нельзя лучше. Младшему Яню пришлось выложить из своего кармана с десятков лянов серебра, включая и расходы в ямыне, и дело было прекращено».

Данный отрывок взят из романа *Жулин вайши (Неофициальная история конфуцианцев)* У Цзин-цзы [1701–1754]¹¹¹. Этот роман, как и *Сон в Красном тереме* Цао Сюэциня, благодаря правдивому и критическому описанию общественной

---

¹¹¹ У Цзин-цзы. Неофициальная история конфуцианцев. Пер. с кит. Д. Воскресенского. М., Худ. лит.-ра, 1959. С. 77–79.

жизни считается классикой китайской литературы XVIII в.

Само стремление избежать непредсказуемого судебного разбирательства знакомо испокон веку и бытует повсюду. Уже в одном из текстов библиотеки Ашшурбанипала, царя Ассирии в 669 – ок. 633 гг. до н. э., дается близкий словам Ван Дэ, где тот ссылается на стратега 19, совет: «Тяжба сродни скрытой яме... При виде тяжбы убегай, сторонись ее. Но коль сам будешь в нее втянут, старайся загасить пламя раздора!»

19.31. Правопорядок при отсутствии науки логики

Всякий знает, пишет Цай Динцзянь в *Жэньминь жибао* (Пекин, 12.02.1998), что нашей стране недостает здоровой традиции правопорядка, хоть встарь китайское общество и славилось богатой культурой законотворчества и многочисленными уложениями. Но все это было лишь «орудием императорской власти», средством для властей держать в повиновении народ. Оно вовсе не служило народу для обуздания произвола со стороны государства. Поэтому император и был воплощением закона, он даже стоял над законом, а чиновники вертели законом, как хотели. Поэтому закон не пользовался уважением, а тем более признанием. Всего этого достаивался император, но не закон. «Отсутствию должного влияния закона в старом Китае способствовало то обстоятельство, что все мыслители Срединного государства, за малым исключением, презирали умозрительные занятия, связанные с изучением мышления, иначе говоря, логики», — утверждает специалист по истории китайской правовой мысли, преподаватель университета в Сучжоу Фань Чжунсинь в статье «Чжун-си фа гуаньянь бицзяо»¹¹²

---

¹¹² «Сравнение подходов к праву со стороны Китая и Запада»: журнал Бицзяо-фа Яньцзю [Сравнительное изучение права]. Пекин, № 3, 1987. С. 14.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.